

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт социального анализа и прогнозирования

**2016: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ – ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ КРИЗИС ИЛИ
НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?**

МАЙ 2017

Аналитический материал подготовлен коллективом экспертов Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Авторский коллектив:

Главный редактор – Т.М. Малева, директор ИНСАП

Ответственный редактор – А.Г. Полякова, ведущий научный сотрудник ИНСАП

Авторы:

Авраамова Е.М., зав. лаб. ИНСАП

Бурдяк А.Я., с.н.с. ИНСАП

Гришина Е.Е., зав. лаб. ИНСАП

Зубаревич Н.В., гл.н.с. ИНСАП

Логинов Д.М., с.н.с. ИНСАП

Ляшок В.Ю., н.с. ИНСАП

Макаренцева А.О., зав. лаб. ИНСАП

Малева Т.М., директор ИНСАП

Мкртчян Н.В., в.н.с. ИНСАП

Полякова А.Г., в.н.с. ИНСАП

Флоринская Ю.Ф., в.н.с. ИНСАП

Хасанова Р.Р., н.с. ИНСАП

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ДОХОДЫ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ.....	6
Реальные располагаемые денежные доходы	6
Структура использования денежных доходов.....	8
Оборот и структура розничной торговли.....	13
Цены и покупательная способность доходов населения.....	18
2. РЫНОК ТРУДА	23
Экономическая активность, занятость и безработица.....	23
Заработные платы.....	26
Трудовая мобильность и неполная занятость.....	27
Занятость в неформальном секторе	29
3. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ	30
Занятость и доходы населения в регионах	30
Социальные расходы консолидированных бюджетов регионов	31
4. ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ	34
Мониторинг воспроизводства населения	34
Миграция.....	41
5. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	48
Представления населения об экономической ситуации в стране.....	49
Риски населения в сфере занятости и потребительские риски.....	51
Стратегии адаптационного поведения	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	55
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	57

2016: социально-экономическое положение населения – продолжающийся кризис или новая реальность? / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. 2017.

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна

ВВЕДЕНИЕ

Экономические итоги 2016 г. имеют различную интерпретацию – от осторожного оптимизма правительства, заявляющего об окончании кризиса и вхождении в новую экономическую фазу «новая экономическая реальность», до пессимизма экспертного сообщества, продолжающего рассматривать экономическую ситуацию в стране в терминах затяжного системного кризиса. Чем же в итоге этот год войдет в экономическую историю?

Все аналитики сходятся в понимании, что объективный ответ на этот вопрос невозможен без оценки социальных итогов 2016 г. Тот факт, что положение в стране характеризуется относительным социальным спокойствием, мало что дает для нужд экономического анализа и выработки дальнейшей социально-экономической политики. Вопрос, разумеется, значительно глубже. Каковы реальные потери, которые понесло российское население на этапе экономического спада? Равномерно ли распределено бремя этих потерь в различных социальных группах и различных регионах страны? Изменилось ли экономическое поведение и социальные стратегии российских граждан? Наконец, каковы экономические и социальные ресурсы, на которые население может опираться в дальнейшем?

В этой связи социальные процессы, выраженные в изменении доходов, потребительского поведения, ситуации на рынке труда, демографической динамике, региональной дифференциации требуют особого рассмотрения. Анализ этих и других важнейших индикаторов социального развития является целью регулярного ежемесячного мониторинга ИНСАП РАНХиГС «Мониторинг социально-экономического положения населения России», который выходит с 2015 г. «Мониторинг социально-экономического положения населения России» публикуется на сайте РАНХиГС¹, а также в серии статей в журнале «Экономическое развитие России»².

Мониторинг включает два независимых аналитических блока – 1) анализ статистических показателей, которые характеризуют уровень и динамику социального развития, и 2) данные социологических обследований населения, которые показывают социальное самочувствие населения в меняющихся социально-экономических условиях.

Настоящий доклад не ограничивается лишь анализом данных Мониторинга. Его цель выходит за эти рамки и состоит в том, чтобы дать многомерную итоговую оценку социальных процессов в течение минувшего 2016 г. В этой связи авторы часто обращаются к ретроспективному экономическому анализу, охватывающему различные этапы экономических циклов, через которые прошла экономика и социальная сфера России с начала 1990-х гг. Это помогает лучше понять и точнее диагностировать специфику настоящего этапа и обозначить перспективы дальнейшего социально-экономического развития.

¹ См.: Мониторинг социально-экономического положения населения России. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ranepa.ru/social/informatsionno-analiticheskij-byulleten>

² Аврамова Е.М., Гришина Е.Е., Малева Т.М., Полякова А.Г. Социально-экономическое положение населения: анализ текущих трендов (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС). Экономическое развитие России. 2017. №2. – С.46-57; Аврамова Е.М., Бурдяк А.Я., Ляшок В.Ю. Социальные тренды и экономическое положение российского населения (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) Экономическое развитие России. 2017. №3. – С.82-89; Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В. Социально-демографические индикаторы: региональное измерение. // Экономическое развитие России. 2017. №3 – С.90-100.

1. ДОХОДЫ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

В 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы и реальный размер назначенных пенсий продолжили свое падение, в то время как реальная заработная плата в 2016 г. незначительно увеличилась относительно прошлого года.

Объемы розничной торговли снижаются третий год подряд, и темп этого сокращения в январе-феврале 2017 г. снизился. Доля импорта в объеме продовольственных товарных ресурсов сократилась на треть. Розничная торговля за последние годы стала более организованной, уменьшилось как число розничных рынков, так и доля приобретаемых на них товаров. Потребительская уверенность в четвертом квартале 2016 г. немного возросла, но до восстановления докризисных уровней еще далеко и на объемах розничной торговли это не отразилось.

На фоне предыдущих лет 2016 г. выделяется низкой потребительской инфляцией. Особенно медленный рост цен на продовольственные товары притормозил рост размера прожиточного минимума по сравнению со средней потребительской инфляцией. Доля потребительских расходов на продовольствие увеличилась. Стоимость фиксированного набора товаров и услуг в 2014-2015 гг. росла медленнее в тех регионах, где эта стоимость была выше, и за счет этого дифференциация стоимости жизни снижалась. В 2016 г. темп роста цен сократился и сам рост стал в региональном разрезе более равномерным.

По сравнению с предыдущими кризисами текущий экономический кризис в России является менее острым в плане влияния на доходы и уровень бедности населения, однако более затяжным.

Реальные располагаемые денежные доходы

В 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы населения и реальный размер назначенных пенсий снизились по сравнению с 2015 г. соответственно на 5,9% и 3,4% (см. рис. 1). В то же время реальная заработная плата 2016 г. практически не изменилась по сравнению с уровнем предыдущего года (рост составил 0,7%). Этот незначительный рост не позволяет интерпретировать динамику зарплаты как прекращение кризиса, а в лучшем случае говорит о слабой тенденции к восстановлению после обрушительного падения в 2015 г.

В итоге, если сравнивать с докризисным 2013 г., то в 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы населения составили 90,5%, реальная начисленная заработная плата – 92,7%, реальный размер назначенных пенсий – 93,8%.

В отличие от 2015 г., когда главный вклад в сокращение реальных доходов населения внесло обрушение заработных плат (на 9,0%), в 2016 г. причиной сокращения доходов стали, главным образом, пенсии, которые по решению Правительства РФ не были полностью проиндексированы на уровень инфляции.

Отметим, что частичная индексация пенсий (на 4% при инфляции за 2015 г. 12,9%), которая была утверждена правительством в конце 2015 г., – беспрецедентная мера с самого начала существования новой пенсионной системы, которая была введена в 2002 г. и предусматривала ежегодную индексацию пенсий не ниже уровня инфляции. Никогда прежде правительство не прибегало к столь резким действиям. Наоборот, это решение резко контрастирует с решением, принятым в ходе предыдущего экономического кризиса 2008-2009 гг., когда была проведена валоризация пенсионных прав и доведение минимального размера пенсии до уровня регионального прожиточного минимума.

Причиной непопулярного и жесткого решения 2015 г. по частичной индексации стало резкое снижение цен на нефтяном рынке и неустойчивость федерального бюджета, из которого направляется трансферт в пенсионную систему.

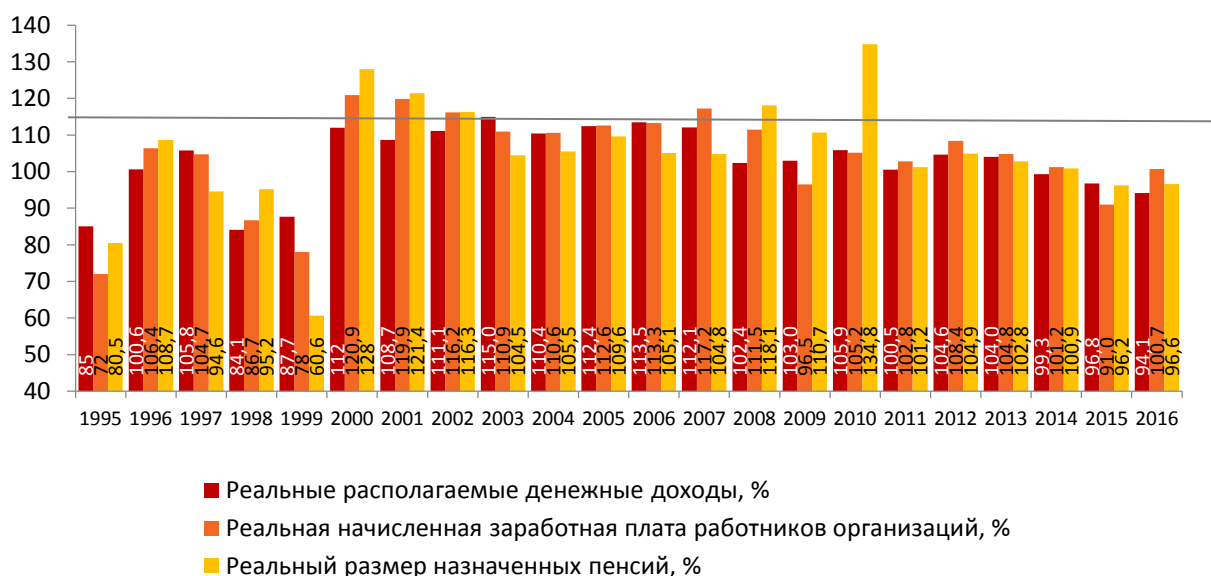

Рисунок 1 – Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения, реальной начисленной заработной платы и реального размера назначенных пенсий, в 1995-2016 гг., в % к предыдущему году

Источник: Росстат, Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, декабрь 2016 г.

Определенная компенсация частичной индексации пенсий все же последовала: накануне выборов в Государственную Думу правительство объявило о единовременной выплате всем пенсионерам в размере 5 тыс. руб., и эта мера была реализована в январе 2017 г. В связи с этим в январе 2017 г. был достигнут значительный рост реального размера назначенных пенсий (на 37,3% по сравнению с январем 2016 г.), что также отразилось на росте реальных располагаемых денежных доходов населения (на 8,1% по сравнению с январем 2016 г.). Поскольку данная мера носила разовый характер, уже в феврале 2017 г. реальные располагаемые денежные доходы населения вернулись к «нормальному» фону и в итоге составили лишь 95,9% от уровня февраля 2016 г. При этом заработная плата в январе-феврале 2017 г. составила 102,3% от уровня аналогичного периода предыдущего года.

В структуре денежных доходов населения в 2016 г. по сравнению с предшествующим годом снизилась доля оплаты труда, включая скрытую заработную плату (с 65,6% до 64,8%), и доля доходов от предпринимательской деятельности (с 7,9% до 7,8%) (см. рис. 2). Заметим, что столь низкой доли доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов населения, как в 2016 г., не наблюдалось, начиная с 1995 г. Если в конце 1990-х гг. население имело возможность улучшить свое материальное положение за счет ухода в частное предпринимательство, то теперь таких возможностей для повышения материального благосостояния у населения остается значительно меньше.

При этом на фоне сокращения доли трудовых доходов доля социальных выплат в денежных доходах населения в 2016 г., напротив, достигла своего максимума в период с 1995 г.

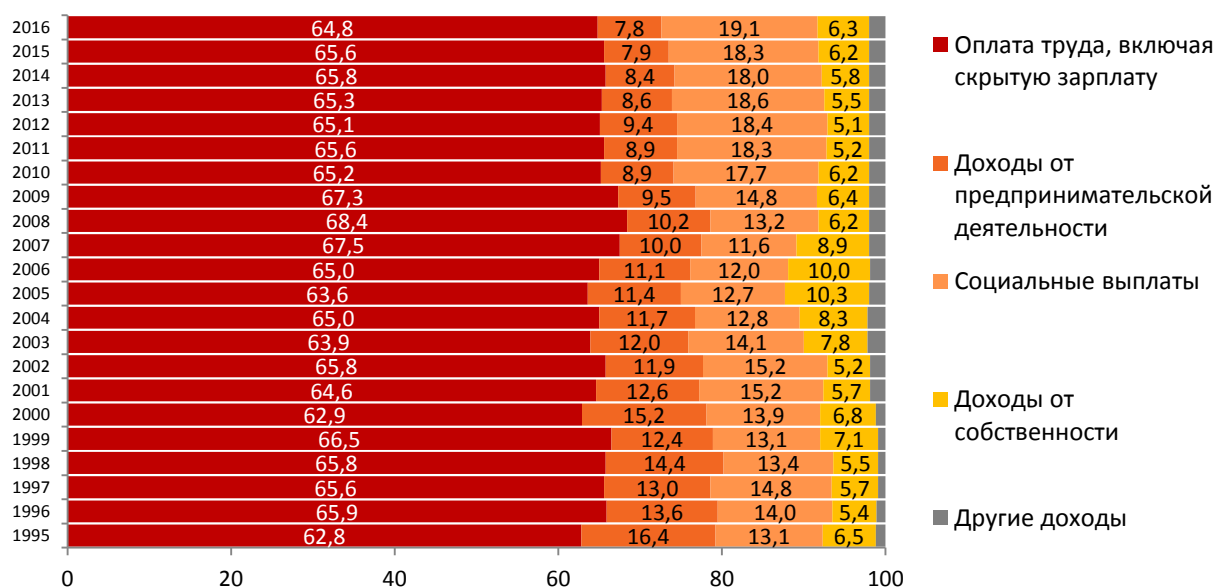

Рисунок 2 – Структура денежных доходов населения, 1995-2016 гг., %

Источник: Росстат, Социально-экономическое положение России, январь-декабрь 2016 г.

Структура использования денежных доходов

В 2016 г. по сравнению с предыдущим годом в структуре использования денежных доходов населения снизилась доля сбережений (с 14,3% до 11,3%), однако она продолжала оставаться выше уровня 2011-2014 гг. (рис. 3).

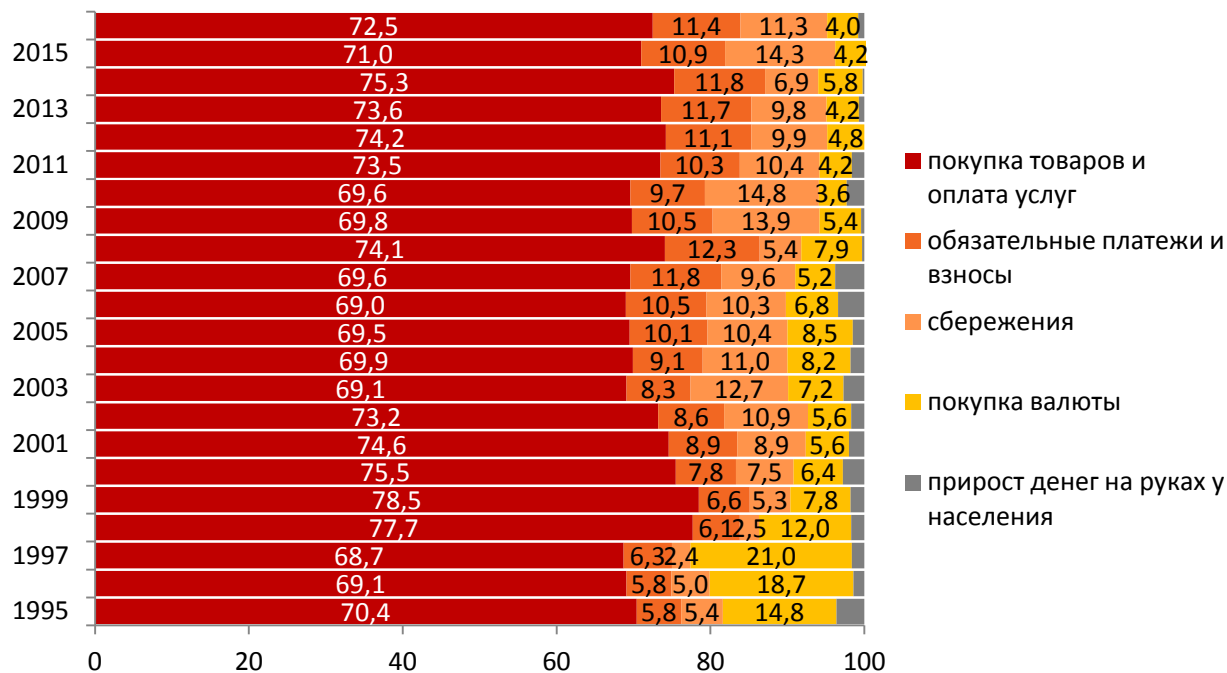

Рисунок 3 – Структура использования денежных доходов населения, 1995-2016 гг., %

Примечание: в 2015 г. наблюдалось уменьшение денег на руках у населения (-0,4%)

Источник: Социально-экономическое положение России, январь-декабрь 2016 г.

Это снижение обусловлено сокращением возможностей для накопления у низкодоходных групп населения, а также снижением склонности к сбережению более обеспеченных групп как естественной реакции населения на экономический кризис и падение доходов предшествующих лет. При этом доля доходов, использованных на покупку товаров и оплату услуг, увеличилась в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом (с 71,0% до 72,5%), но осталась ниже уровня 2011-2014 гг.

Уровень неравенства и бедности

Критически важными индикаторами благосостояния населения страны вообще и особенно на фоне экономических кризисов являются показатели доходного неравенства и еще в большей степени – бедности.

Распределение общего объема денежных доходов населения в 2016 г. не изменилось относительно 2015 г. (рис. 4). При этом по сравнению с 2013 г. в 2016 г. доля денежных доходов, принадлежащих наиболее обеспеченной 5-й квинтильной группе, чуть сократилась (с 47,6% до 47,1%), в то время как доля других квинтильных групп несколько возросла.

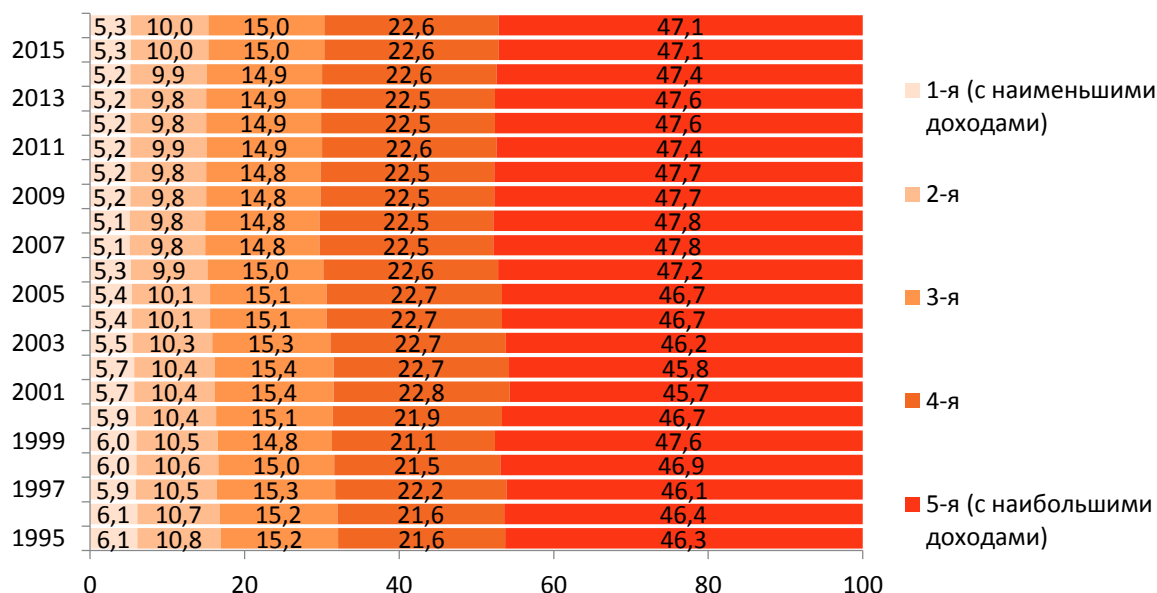

Рисунок 4 – Распределение общего объема денежных доходов населения, 1995-2016 гг., %

Источник: Росстат, Социально-экономическое положение России, январь-декабрь 2016 г.

Это смещение в целом оказалось малочувствительно, поэтому уровень доходного неравенства в 2016 г. относительно 2015 г. не изменился: коэффициент Джини составил 0,413 раза, а коэффициент фондов – 15,7 раза (рис. 5). При этом в период с 2012 г. по 2015 г. наблюдалось снижение уровня доходного неравенства. Напомним, что в кризис 2008-2009 гг. уровень доходного неравенства также не менялся, в то время как в 1998-1999 г. он, напротив, существенно возрос.

Уровень бедности в российской официальной статистике и социальной политике основывается на абсолютной концепции бедности и определяется долей населения, доходы которой оказываются ниже абсолютной черты бедности, в качестве которой выступает показатель прожиточного минимума.

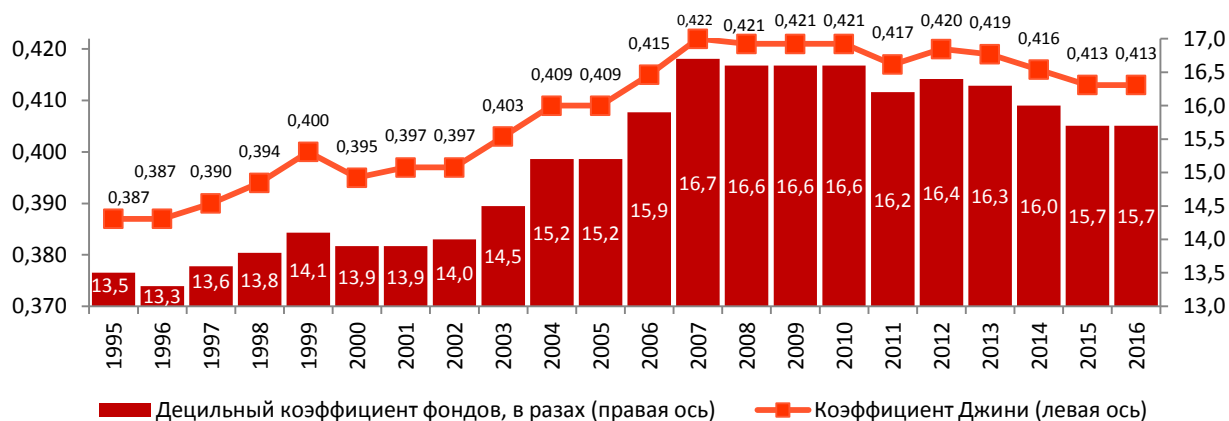

Рисунок 5 – Уровень доходного неравенства, 1995-2016 гг.

Источник: Росстат, Неравенство и бедность, Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения

В 2016 г. среднедушевые денежные доходы населения относительно величины прожиточного минимума продолжили снижаться (рис. 6).

Рисунок 6 – Соотношение среднедушевых денежные доходы населения, средней начисленной заработной платы и среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума, 4 кв. 1999-2016 гг., %

Источник: расчеты на данных Росстата

Примечание: данные о величине прожиточного минимума за 4 кв. 2016 г. основаны на Проекте Постановления Правительства РФ «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за IV квартал 2016 г.». Рассматривается соотношение заработной платы с величиной прожиточного минимума для трудоспособного населения, а пенсий – с величиной прожиточного минимума пенсионеров.

В IV кв. 2016 г. среднедушевые денежные доходы населения снизились относительно прожиточного минимума на 54 п.п. (с 425% до 371%) по сравнению с аналогичным периодом докризисного 2013 г.

Падение средней начисленной заработной платы относительно величины прожиточного минимума в период с 2013 г. по 2015 г. было еще более существенным: в

IV кв. 2013 г. средняя начисленная заработная плата составляла 421% от величины прожиточного минимума, в то время как в IV кв. 2015 г. – уже лишь 360%. Однако в IV кв. 2016 г. средняя начисленная заработная плата относительно прожиточного минимума несколько возросла – с 360% до 380%.

Отношение среднего размера назначенных пенсий к прожиточному минимуму пенсионера в IV кв. 2016 г. составило 155%, что соответствует уровню аналогичного периода предыдущего года, однако оно опустилась ниже уровня докризисных 2010-2014 гг.

Таким образом, снижение среднедушевых денежных доходов населения и их главных компонент – заработной платы и пенсий – относительно величины прожиточного минимума с однозначностью свидетельствует об ухудшении материального положения населения и продолжающемся росте рисков бедности.

Снижение реальных денежных доходов в 2014-2016 гг. привело к росту уровня бедности. По предварительным оценкам уровень бедности в 2016 г. составил 13,4%, что практически не отличается от уровня предыдущего 2015 г., но ощутимо выше уровня, наблюдавшегося в период с 2009 г. по 2015 г. (рис. 7).

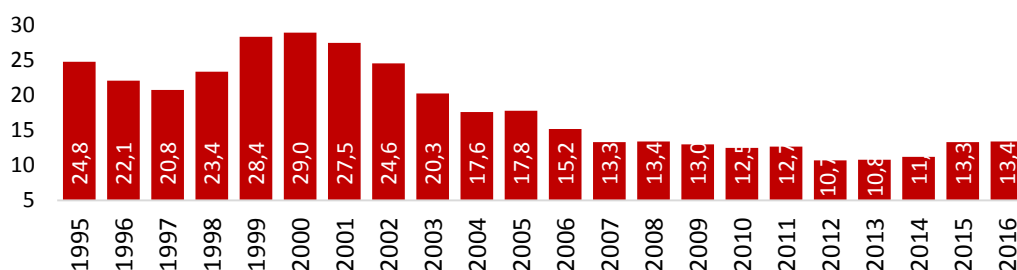

Рисунок 7 – Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %

Примечание: на 2016 г. – оценка.

Источник: Росстат, Неравенство и бедность

В сравнении с предыдущими экономическими кризисами динамика уровня бедности неоднозначна. Рост уровня бедности в период кризиса 1998-1999 гг. был более значительный (с 23,4% до 28,4%), в то время как в 2008-2009 гг. уровень бедности даже несколько сократился (с 13,4% до 13,0%). Объяснение тому – активное вмешательство государства, наблюдаемое в 2008-2009 гг., в меры по социальной защите населения от кризиса. Повышение МРОТ, размера пособий по безработице и уровня пенсий в период экономического кризиса 2008-2009 гг. позволили не только избежать роста уровней бедности, но даже несколько снизили их значения.

Субъективные оценки бедности являются важным дополнением к статистическим абсолютным показателям. Так, в 4 кв. 2016 г. население более оптимистично оценивало свое материальное положение по сравнению с аналогичным периодом прошлого года: доля лиц, сообщивших, что их материальное положение «плохое» или «очень плохое», сократилась с 30,2% до 28,6% (рис. 8). В целом в 2015-2016 гг. самооценка населением своего материального положения была выше, чем в периоды предыдущих кризисов 2008-2009 гг. и 1998-1999 гг. Если в 1998-1999 гг. более 60% населения оценивало свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое», то в 2015-2016 гг. лишь около 30%.

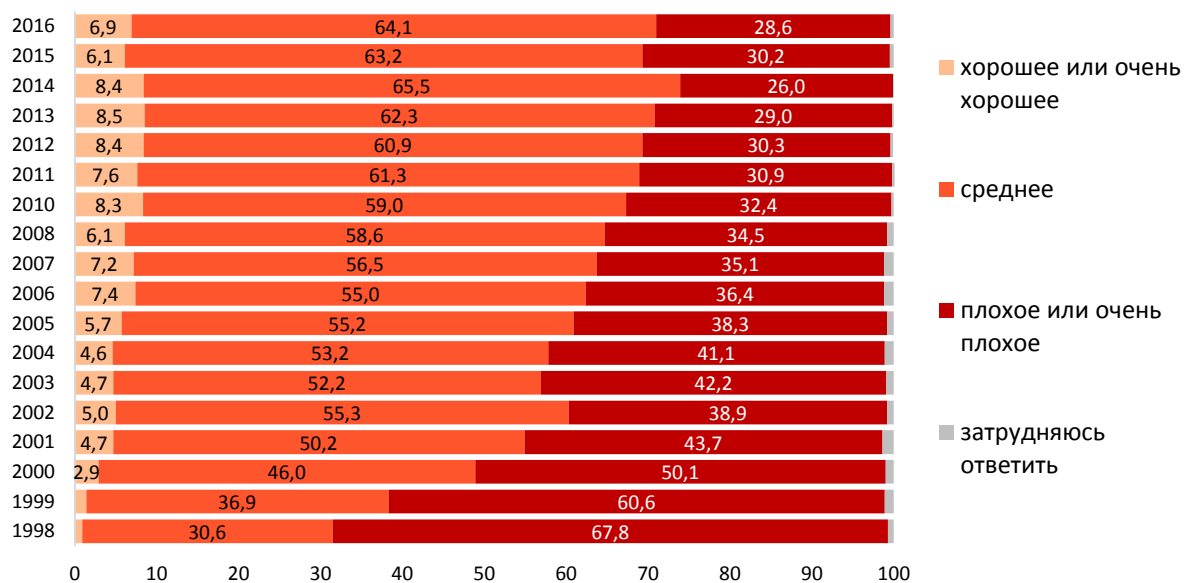

Рисунок 8 – Самооценка населением материального положения, 4 кв. 1998-2016 гг., %

Источник: Росстат, Уровень жизни, Мнение населения о текущем материальном положении

Доля субъективно бедных домохозяйств, которым не хватает средств на товары и услуги первой необходимости (еду, одежду и оплату жилищно-коммунальных услуг), составила в 1-3 кв. 2016 г. 21-24%, что хуже уровня 2013-2014 гг., но лучше уровня 2008-2010 гг. (рис. 9).

Рисунок 9 – Самооценка домохозяйствами своего финансового положения, 2008-2016 гг., %

Источник: Росстат, Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств, 2008-2016 гг.

Но если по этим видам расходов ситуация не вполне выраженная, то в отношении тех домохозяйств, которые не могут позволить приобрести товары длительного

пользования, тенденция более очевидна – доля этих домохозяйств составляла в 1-3 кв. 2016 г. 69-70%, тогда как в 2013-2015 гг. она была 65-66%.

Как и во многих предыдущих исследованиях феномена бедности в России³, обращает на себя внимание, что доля субъективно бедных в России значительно превосходит долю бедных в соответствии с абсолютной монетарной концепцией бедности. Этот разрыв отражает тот факт, что в современном постиндустриальном обществе абсолютная монетарная концепция бедности исчерпывает свои возможности и не может быть единственным надежным показателем для оценки уровня, профиля и динамики бедности.

Таким образом, в 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы и размер назначенных пенсий продолжили свое падение, в то время как реальная заработная плата в 2016 г. незначительно увеличилась относительно прошлого года. Компенсирующего эффекта от слабого роста заработной платы не хватило, чтобы предотвратить дальнейшее падение реальных доходов населения и ухудшения материального положения населения. В итоге можно заключить, что по сравнению с предыдущими кризисами текущий экономический кризис в России является менее острым, однако более затяжным.

Оборот и структура розничной торговли

Потребительский спрос и динамика розничной торговли являются одной из важнейших характеристик текущего экономического положения и социально-экономического поведения населения.

В номинальном выражении объем розничных продаж товаров населению за 2016 г. составил 28 трлн. руб. и почти не изменился относительно предыдущего года (в 2015 г. было 27,5 трлн. руб.). В реальном выражении этот прирост был поглощен ростом цен – в сопоставимых ценах объем розничной торговли сократился на 5,2% к предыдущему году. Снижение розничных продаж проявилось в сегменте продовольствия (-5,3% к 2015 г.) и непродовольственных товаров (- 5,1%) (рис. 10). Накопительным итогом за последние два года в сравнении с 2014 г. розничная торговля сократилась на 14,7%, в том числе объем продаж пищевых продуктов, напитков и табачных изделий на 13,8%, а непродовольственных товаров на 15,4%.

За два года с декабря 2014 г. по декабрь 2016 г. объем розничной торговли в сопоставимых ценах уменьшился на 19,2% – рекордное сокращение за последние годы объяснимо эффектом базы сравнения. Ноябрь-декабрь 2014 г. были последними месяцами роста объемов продаж до кризиса, более того, ажиотажный спрос на фоне девальвации рубля привел ко всплеску покупок непродовольственных товаров. На их фоне двухлетнее сокращение розничной торговли накопленным итогом в декабре 2016 г. выглядит значительным, несмотря на то, что изменение за последний месяц года не столь велико. Продажи продовольственных товаров населению с декабря 2014 г. по декабрь 2016 г. снизились на 15,9%.

³ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 г. Цели устойчивого развития ООН и Россия/ под ред. С.Н.Бобылева и Л.М.Григорьева. — Аналитический центр при Правительстве РФ Москва, 2016.

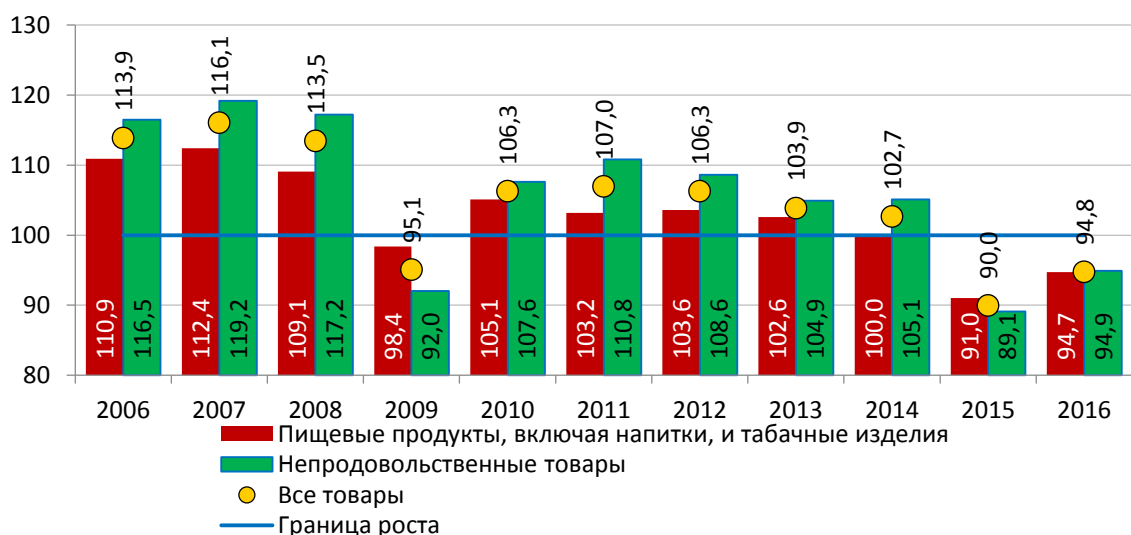

Рисунок 10 – Динамика оборота розничной торговли пищевыми продуктами, напитками и табачными изделиями, и непродовольственными товарами, в % к предыдущему году в сопоставимых ценах

Источник: Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2006-2017 гг. Росстат.

Продажи непродовольственных товаров сократились на 22,0% за два года, и по обьём компонентам розничной торговли в декабре 2016 г. произошло самое большое падение за кризисный период объёмов розничных продаж товаров населению за один месяц. Тем самым, одним из главных социальных последствий кризиса стало очевидно и затяжное падение потребительского спроса со стороны населения. Более того, в 2017 г. это падение продолжилось (см. рис. 11).

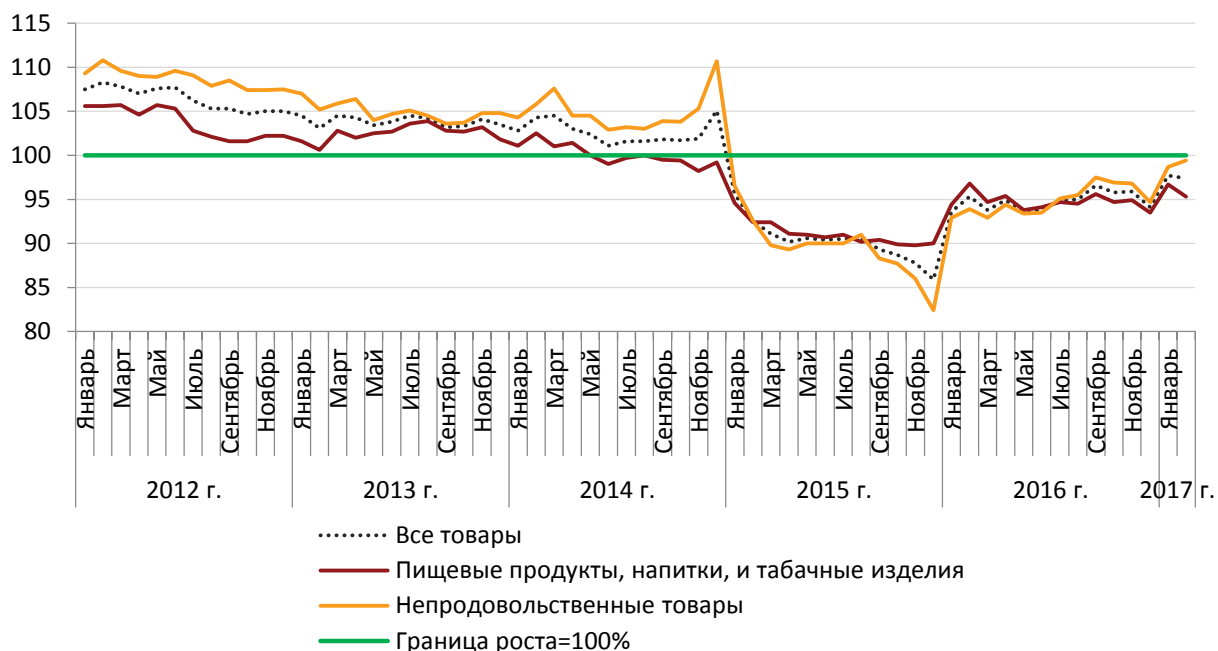

Рисунок 11 – Ежемесячная динамика оборота розничной торговли и его составляющих в сопоставимых ценах, в % к соответствующему месяцу предыдущего года

Источник: Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2006-2017 гг. Росстат.

Результатом снижения реальных доходов населения, форсированного роста акцизов⁴ на алкогольную продукцию и централизации её производства стало снижение потребления алкоголя⁵. Розничные продажи алкоголя на душу населения сократились за пять лет с 9,2 л до 6,6 л абсолютного алкоголя.

За последние за три года количество розничных рынков, а также число торговых мест в них постепенно сократились на 27%. На этом фоне расширилась роль розничных торговых сетей: в 2016 г. они обеспечили 26,5% общего объема оборота розничной торговли в среднем по России (в 2015 г. 25%, в 2014 г. 22,9%).

38% объема товаров в 2016 г. составляет импорт, товары отечественного составили 62% товарных ресурсов (структура идентична 2015 г.). В объеме товарных ресурсов продовольственных товаров 23% поступило по импорту (в 2015 г. 28%). До экономического кризиса и до вступления в силу санкционных и антисанкционных мер импортные товары составляли 33-35% продовольственных товаров, затем сократившись на треть. В совокупном объеме товарных ресурсов розничной торговли доля импорта в 2010-2014 гг. была равна 42-44%, в последние годы также снизившись (см. рис. 12).

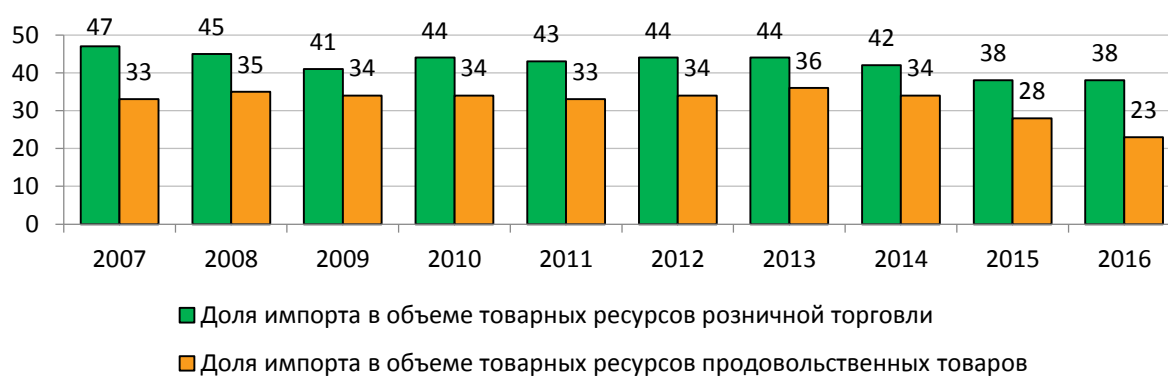

Рисунок 12 – Доля импорта в годовом объеме товарных ресурсов розничной торговли и в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров, в %

Источник: Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2008-2017 гг. Росстат.

По оценкам ИЭП им. Гайдара⁶ продуктовое эмбарго одинаковым образом повлияло на цены и санкционных, и несанкционных товаров – рост цен обоих сегментов на 2,9-3%.

О характере изменения потребительской активности можно судить на основе мнения населения о благоприятности крупных покупок, о текущем материальном положении и перспективах его изменения, а также о видении экономической ситуации,

⁴ Со следующего года рост акцизов заморозят, и в 2018-2019 г. ставка останется неизменной.

⁵ Яковлев Е. Опасный акциз: как правительство отказалось от антиалкогольной политики // РБК. Мнения. 27.01.2017. <http://www.rbc.ru/opinions/>; Радаев В., Котельникова З. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. №5. С. 92-117. Yakovlev E. Demand for Alcohol Consumption in Russia and Its Implication for Mortality // American Economic Journal: Applied Economics, 2017, forthcoming.

⁶ Е. Пономарева, Р. Магомедов Влияние продуктовых санкций на цены в России в 2014-2016 гг. // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально экономического развития. 5(43), март 2017; Экономисты подсчитали денежные потери россиян от продуктового эмбарго. РБК. <http://www.rbc.ru/economics/20/03/2017/58cfa48f9a7947ace90ea7b6>

которое измеряется с помощью индекса уверенности потребителя и ряда частных индексов, входящих в его основу⁷.

Индекс произошедших изменений в личном материальном положении в IV квартале 2016 г. повысился на 1 п.п. и составил (-18%) против (-19%) в III квартале 2016 г. Доля респондентов, положительно оценивающих изменения в своем материальном положении в течение года, составила 9% (в III квартале 2016 г. – 8%). Доля отрицательных оценок сократилась до 39% (в III квартале 2016 г. – 40%).

Индекс ожидаемых изменений в личном материальном положении в IV квартале 2016 г. по сравнению с III кварталом 2016 г. не изменился и составил (-8%) (см. рис. 13).

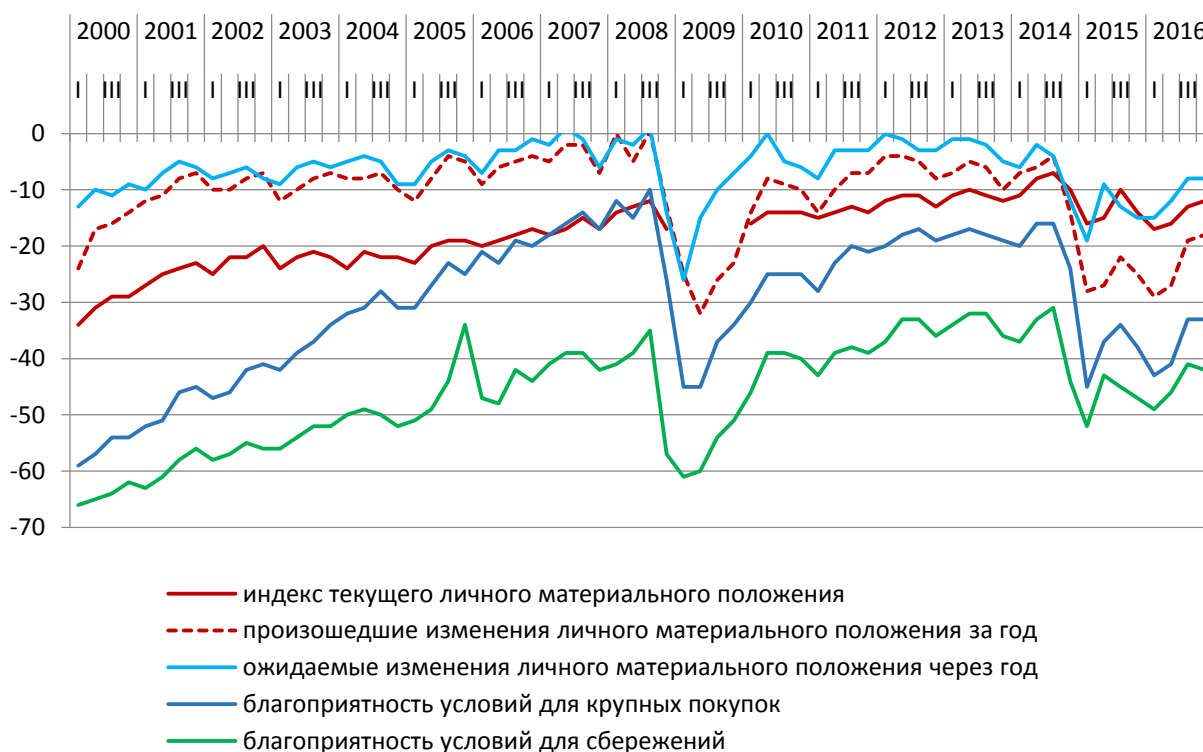

Рисунок 13 – Потребительские ожидания: индексы, характеризующие мнение населения о личном материальном положении и конъюнктуре рынка товаров и сбережений, %

Источник: Потребительские ожидания населения. Росстат.
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Доля респондентов, ожидающих улучшения своего материального положения в течение следующих 12-ти месяцев, увеличилась до 11% (в III квартале 2016 г. – 9%). Доля отрицательных оценок составила 23% (в III квартале 2016 г. – 22%). Индекс благоприятности условий для крупных покупок по сравнению с III кварталом 2016 г. не изменился и составил (-33%). Индекс благоприятности условий для сбережений снизился на 1 п.п. и составил (-42%) против (-41%) в III квартале 2016 г. Следовательно, наметившийся в третьем квартале 2016 г. рост оптимизма в сфере личного материального положения продолжился, но с очень умеренным темпом.

⁷ На каждый из вопросов предлагается пять видов ответов: определенно отрицательный, скорее отрицательный, нейтральный, скорее положительный, определенно положительный. Частные индексы рассчитываются как разность между суммой долей (в процентах) определенно положительных и ½ скорее положительных ответов и суммой долей (в процентах) определенно отрицательных и ½ скорее отрицательных ответов. Нейтральные ответы во внимание не принимаются.

Индекс произошедших изменений в экономике России остается стабильным. Доля респондентов, положительно оценивающих произошедшие изменения в экономической ситуации, составляет 10-11%, отрицательных оценок 50-52%, доля нейтральных оценок незначительно поднялась 38-39%.

Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России на краткосрочную перспективу в IV квартале 2016г. повысился на 2 процентных пункта и составил (-6%) против (-8%) в III квартале 2016 г. В течение следующих 12-ти месяцев положительных изменений в экономике страны ожидают 20% опрошенных (в III квартале 2016г. – 18%). Доля негативных оценок сократилась до 27% (в III квартале 2016 г. – 29 %). Доля респондентов, считающих, что экономическая ситуация в России не изменится, осталась на прежнем уровне и составила 47%.

Повышение индекса потребительской уверенности (см. рис. 14)⁸ обусловлено положительной динамикой в оценках населением произошедших и ожидаемых изменений в экономике России и произошедших изменений в личном материальном положении.

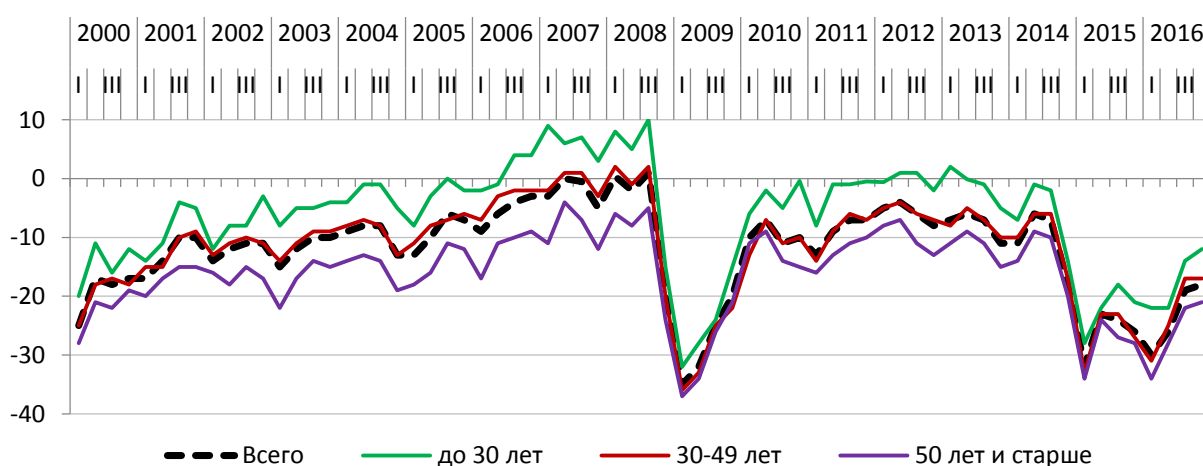

Рисунок 14 – Индекс потребительской уверенности, %

Источник: Потребительские ожидания населения. Росстат.
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Оценка населением ожидаемых изменений в личном материальном положении и благоприятности условий для крупных покупок осталась на прежнем уровне. Как и в докризисный период, наибольший оптимизм присущ молодым возрастным когортам, до 30 лет. Различия между людьми в среднем трудоспособном возрасте от 30 до 49 лет и самой старшей возрастной группой 50 лет и старше в 2015-2016 гг. стали едва заметны. Это наглядно показывает, что именно по людям среднего возраста кризис ударил сильнее всего, и без восстановления материального положения и уверенности этой основной группы потребителей, роста розничной торговли в ближайшей перспективе ожидать не приходится.

Наблюдая за потребительскими ожиданиями населения, можно сделать вывод, что активность населения на потребительском рынке остается низкой, но имеет место ее медленное восстановление. При благоприятной динамике доходов населения и низкой

⁸ Обобщающий (композитный) индекс – индекс потребительской уверенности – рассчитывается как среднее арифметическое значение пяти частных индексов: произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения, произошедших и ожидаемых изменений экономической ситуации в России, благоприятности условий для крупных покупок.

инфляции в ближайшей перспективе потребительская активность могла бы стать одним из драйверов экономического роста.

Цены и покупательная способность доходов населения

На фоне снижения реальных располагаемых денежных доходов населения, снижения реального размера пенсии и небольшого роста заработных плат снижение темпов инфляции стало одним из позитивных факторов 2016 г., который значительно смягчил социальные негативные последствия экономического спада. Меры против роста цен составляли приоритет для экономической политики в 2016 г., и в этой связи такой результат не стал неожиданностью⁹.

Итоговая потребительская инфляция в 2016 г. составила 5,4%, в том числе на 4,6% увеличились цены на продукты питания, на 6,5% на непродовольственные товары и на 4,9% на услуги. Как выглядит динамика потребительских цен на фоне прошлых лет? В начале 2000-х цены росли темпом выше 10% в год, и сравнивать с тем периодом не имеет смысла. Впервые десятипроцентный порог роста был ненадолго преодолен в 2006 г. (9%), и затем годовой индекс потребительских цен продержался в промежутке от 6,5% до 8,8% в 2009-2013 гг. Таким образом, на фоне всех предыдущих лет 2016 г. выделяется низкой потребительской инфляцией (рис. 15).

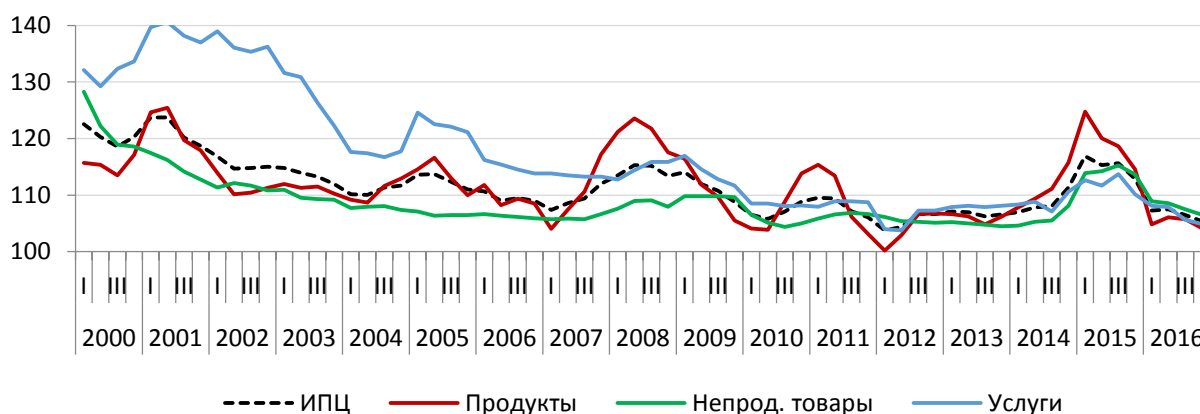

Рисунок 15 – Совокупный индекс потребительских цен (ИПЦ), индексы цен на продукты питания, на непродовольственные товары и услуги, на конец квартала, в % к аналогичному кварталу предыдущего года.

Источник: Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991 – 2017 гг. Росстат.

Среди услуг в декабре 2016 г. относительно декабря 2015 г. услуги образования и гостиничные услуги подорожали на 6,9%, личные услуги – на 7,9%, социальная защита – на 9,3%, транспортные услуги – на 6,6%, услуги по организации отдыха и культурных мероприятий – на 6%, связь – на 2,5%. Цены на жилищные услуги повысились на 5,2%, в том числе электроэнергия газ и топливо +4,8%, водоснабжение и другие коммунальные услуги +6,3%. Финансовые услуги стали дешевле на -6,3%.

Замедление инфляции, по-видимому, продолжится и в 2017 г. В годовом выражении (февраль 2017 г. к февралю 2016 г.) потребительские цены выросли на 4,6%. В том числе цены на продовольственные товары стали выше на 3,7%, на

⁹ Пономарев Ю. Эффект переноса: рост цен в третьем квартале 2016 г. замедлится // Экономическое развитие России. 2016. № 8. С. 7-9.

непродовольственные – на 5,7%, на услуги – на 4,3%. Цены на продовольственные товары без алкогольных напитков выросли на 3,4%. Рост цен на продовольственные товары и на услуги в феврале 2017 г. относительно аналогичного месяца предыдущего года стал самым низким за период 2013-2017 гг. (см. рис. 16).

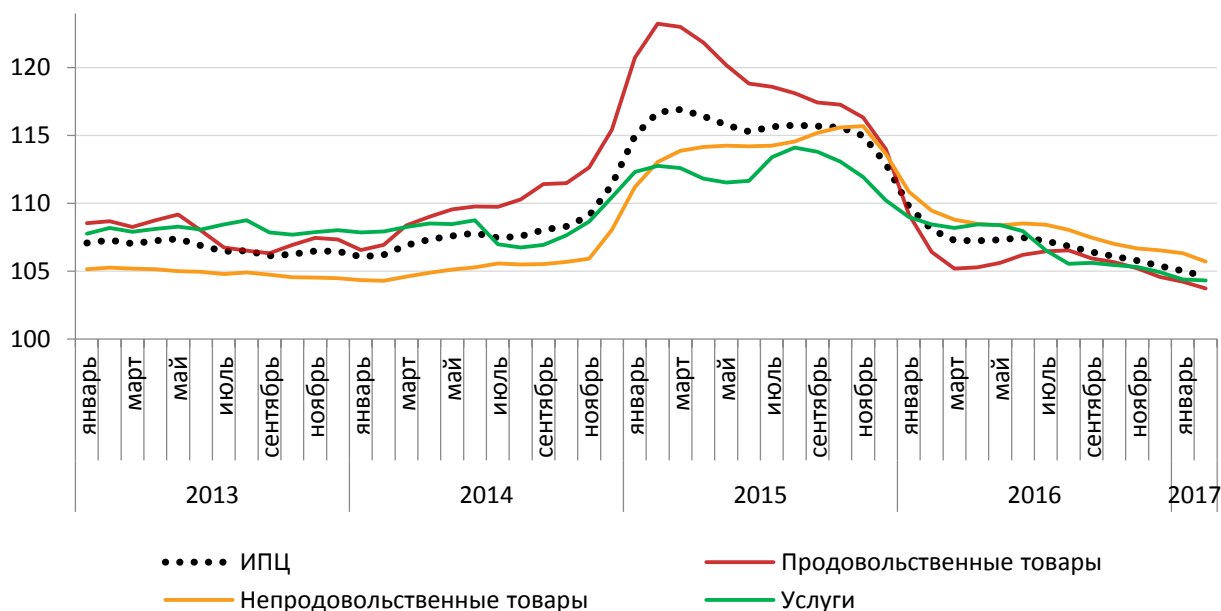

Рисунок 16 – Совокупный индекс потребительских цен (ИПЦ), индексы цен на продукты питания, на непродовольственные товары и услуги, в % к аналогичному месяцу предыдущего года.

Источник: Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991 – 2017 гг. Росстат.

Согласно утвержденной корзине товаров и услуг для расчета инфляции в группировке классификатора индивидуального потребления по целям (международный классификатор СОИСОП)¹⁰, доля продуктов питания и безалкогольных напитков постепенно выросла с 28,8% потребительских расходов в 2013 г. до 30,8% в 2016 г. (в 2015 г. 30,6%). Примерно такую же долю продуктов питания в потребительской корзине мы наблюдали в недавнем прошлом в 2010 г. – 30,7%¹¹.

Для расчета индекса потребительских цен используется немного отличающаяся от международного классификатора группировка, в которой вместе с продуктами питания и безалкогольными напитками в продовольственной корзине участвуют алкогольные напитки, общественное питание и прочие продовольственные товары. Продовольственные товары – это 38% расходов потребителей, непродовольственные товары 36% и услуги – 26% потребительских расходов населения в 2016 г. Рост расходов на продукты питания за

¹⁰ Статистика потребительских цен Росстата основана на ежемесячной регистрации цен по полному перечню товаров и услуг, которых в нем насчитывается 506 видов. Инфляция измеряется с помощью композитного индекса потребительских цен, в который с определенными весами входят различные группы товаров и услуг. Весовые коэффициенты пересматриваются каждый год и отражают структуру потребления домашних хозяйств за предыдущий календарный год.

¹¹ Структура потребительских расходов населения для расчета индекса потребительских цен в группировке КИПЦ в 2017 г. Об индексе потребительских цен в январе 2017 г. Срочная информация по актуальным вопросам. Росстат. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-kipc.htm

последние три года свидетельствует о снижении уровня жизни населения и росте доли бедных семей. Похожую структуру потребления имело в 2010 г. (см. рис. 17).

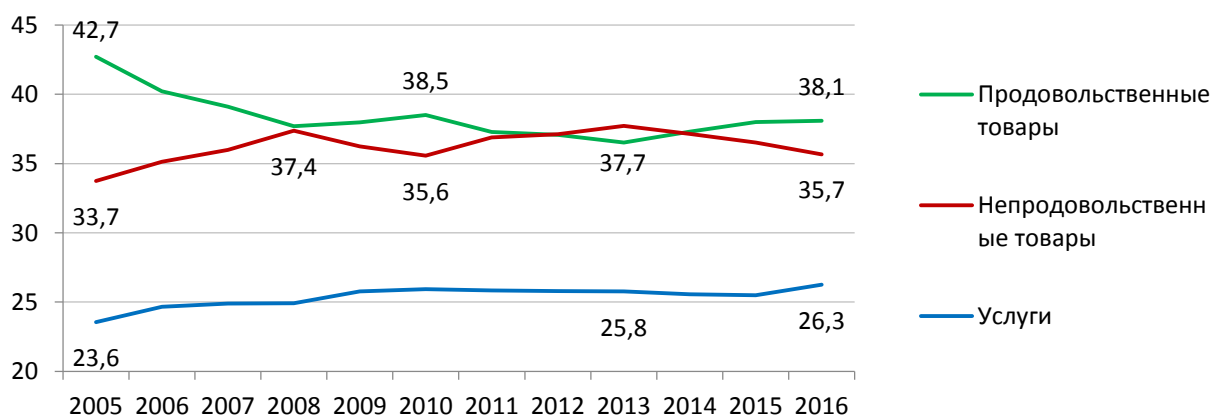

Рисунок 17 – Структура потребительских расходов населения в 2005-2016 гг., %

Источник: Структура потребительских расходов населения для расчета индекса потребительских цен в соответствующем году. Росстат.

Доля расходов на услуги в 2016 г. увеличилась, однако расходы на жилищно-коммунальные услуги составляют такой же процент расходов, как и в предыдущие годы. Расходы на приобретение одежды и обуви, на покупку легковых автомобилей существенно сократились. Это же показывают социологические обследования (см. раздел «Социальное самочувствие российского населения») – значительное число семей перешло на режим экономии, сократив в первую очередь расходы на товары длительного пользования¹².

Несмотря на то, что в потребительских расходах населения продовольственные и непродовольственные товары занимают примерно одинаковые доли (36-38%) и с равной силой влияют на совокупный индекс потребительских цен, динамика прожиточного минимума сильнее привязана к изменению цены продуктовой корзины. Согласно методологии, действующей с 2014 г., стоимость минимального набора продуктов питания равняется 50% величины прожиточного минимума, еще 25% составляют непродовольственные товары и 25% услуги. Динамика корректируется по индексу потребительских цен на продовольствие, непродовольственные товары и услуги, однако за счет большего веса продовольственная инфляция влияет сильнее на прожиточный минимум.

В 2016 г. цены на продовольствие росли медленнее цен на непродовольственные товары и услуги, плодоовощная продукция была сравнительно дешевой, что «притормозило» рост прожиточного минимума по сравнению со средней потребительской инфляцией. В третьем квартале 2016 г. прожиточный минимум по Российской Федерации вырос относительно третьего квартала 2015 г. на 2,2%, а индекс потребительских цен за тот же период с октября 2015 г. по сентябрь 2016 г. показал рост на 6,4%. В такой ситуации даже небольшой рост номинальных доходов населения при неизменности размера прожиточного минимума автоматически приводит к снижению доли бедных. Таким образом, контроль над ценами на продовольствие, а также методика расчета величины прожиточного минимума внесли свой вклад в динамику показателей бедности в 2016 г.

¹² Аврамова Е., Логинов Д. Социальное самочувствие населения и риски снижения уровня жизни // Экономическое развитие России. 2016. № 11. С. 59–62.

Покупательная способность среднедушевых доходов показывает, сколько продуктов по средним ценам можно купить на средний доход россиянина. По всем группам непродовольственных товаров и услуг покупательная способность доходов в 2016 г. сократилась. Наибольшее снижение покупательной способности произошло по следующим продуктам питания: масло подсолнечное, маргарин, чай, масло сливочное (от -12% до -7%) – эти продукты подорожали сильнее всего. По сравнению с 2015 г. покупательная способность среднедушевых доходов населения увеличилась на картофель, капусту, лук, морковь (+25-28%) (см. рис. 18). На 7% больше в 2016 г. на средний доход можно было приобрести свинины, и на 4% больше курятины.

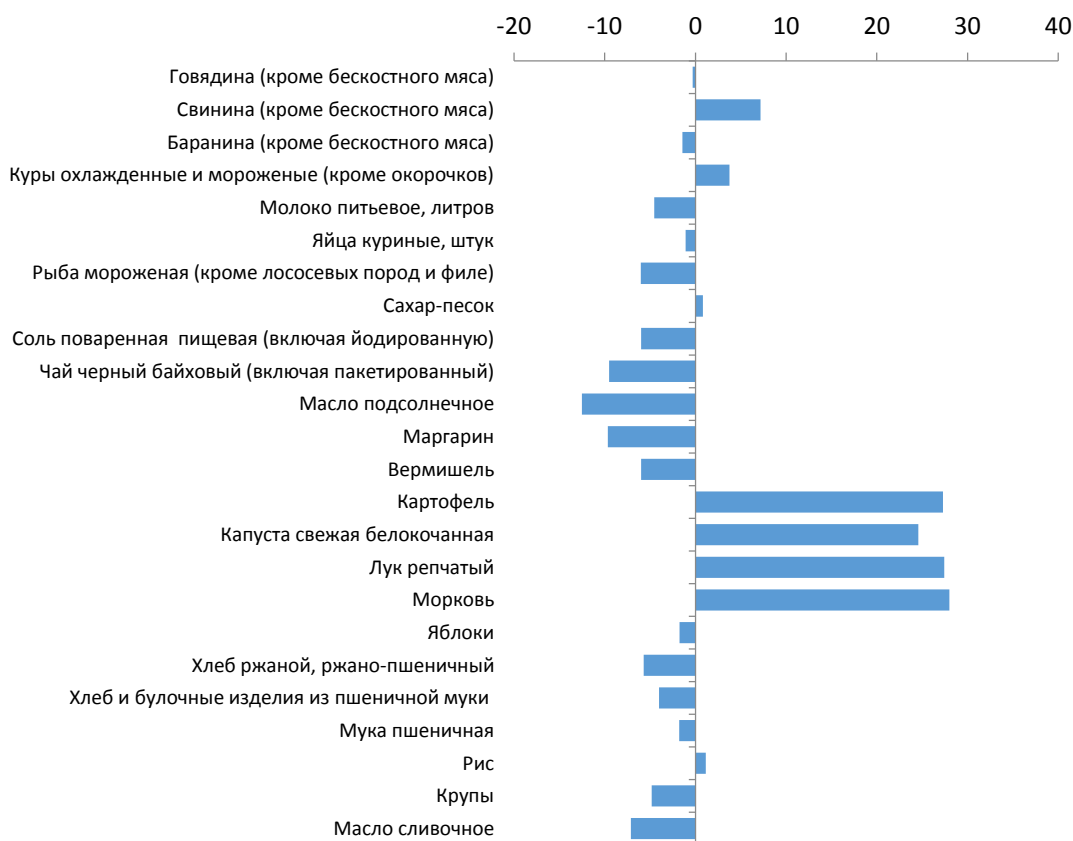

Рисунок 18 – Темпы прироста (снижения) покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения в 2016 г. относительно 2015 г., %

Источник: Об индексе потребительских цен в январе 2017 г. Срочная информация по актуальным вопросам. Росстат.

Покупательная способность среднедушевого дохода населения по Российской Федерации в целом, выраженная в стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений, в ноябре 2016 г. опустилась ниже аналогичного показателя 2010 г. (рис. 19). При этом региональная дифференциация покупательной способности доходов снизилась в основном за счет обеднения богатых регионов.

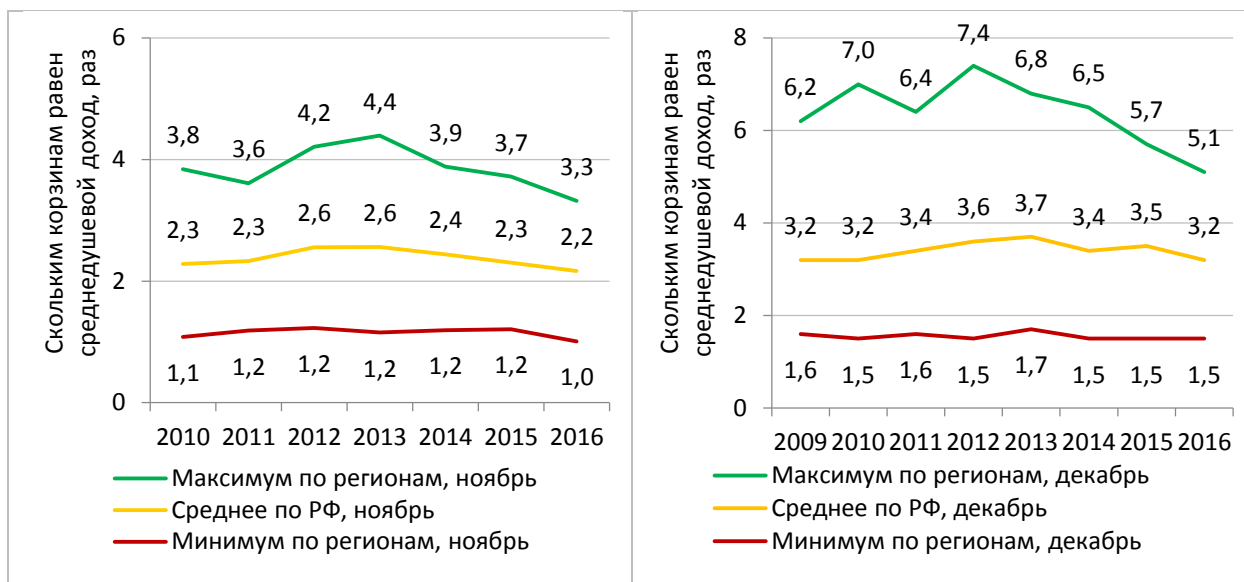

Рисунок 19 – Соотношение среднедушевого дохода населения регионов Российской Федерации со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения в ноябре и декабре 2010-2016 гг.

Источник: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ. Росстат

Чтобы исследовать, как изменилась стоимость жизни в регионах России, и ее дифференциация за последние три года, в качестве индикатора рассмотрим стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, предназначенного для межрегиональных сопоставлений. Фиксированный набор имеет постоянную в физических единицах структуру (килограммы продуктов, единицы товаров и услуг), отличающуюся от структуры потребительской корзины для расчета ИПЦ, поэтому его стоимость меняется не идентично инфляции. За 2016 г. она выросла на 6,1% (см. табл. 1).

Таблица 1 – Средний по Российской Федерации индекс потребительских цен и стоимость фиксированного набора товаров и услуг в декабре 2014-2016 гг.

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Индекс потребительских цен на товары и услуги в декабре, % к декабрю предыдущего года	111,4	112,9	105,4
Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в декабре, % к декабрю предыдущего года	110,8	111,0	106,1

Источник: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в декабре 2016 г. Росстат.

Одинаковым ли образом стоимость жизни выросла в тех регионах, где она высокая или низкая по сравнению со среднероссийским показателем?¹³ На рис. 20 правее расположены регионы с высокой стоимостью жизни, а левее – те субъекты федерации, в

¹³ Одна точка – один регион, взвешивание и модели пространственной корреляции не применяются. Горшкова Т., Турунцева М. Прогнозирование региональной инфляции с использованием моделей пространственной корреляции // Экономическое развитие России. 2016. № 12. С. 76-80; Глушенко К.П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика 2015. №4. С. 39-58. Иванова В.И. Региональная конвергенция доходов населения: пространственный анализ // Пространственная экономика 2014. №4. С. 100-119.

которых стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг ниже среднероссийской.

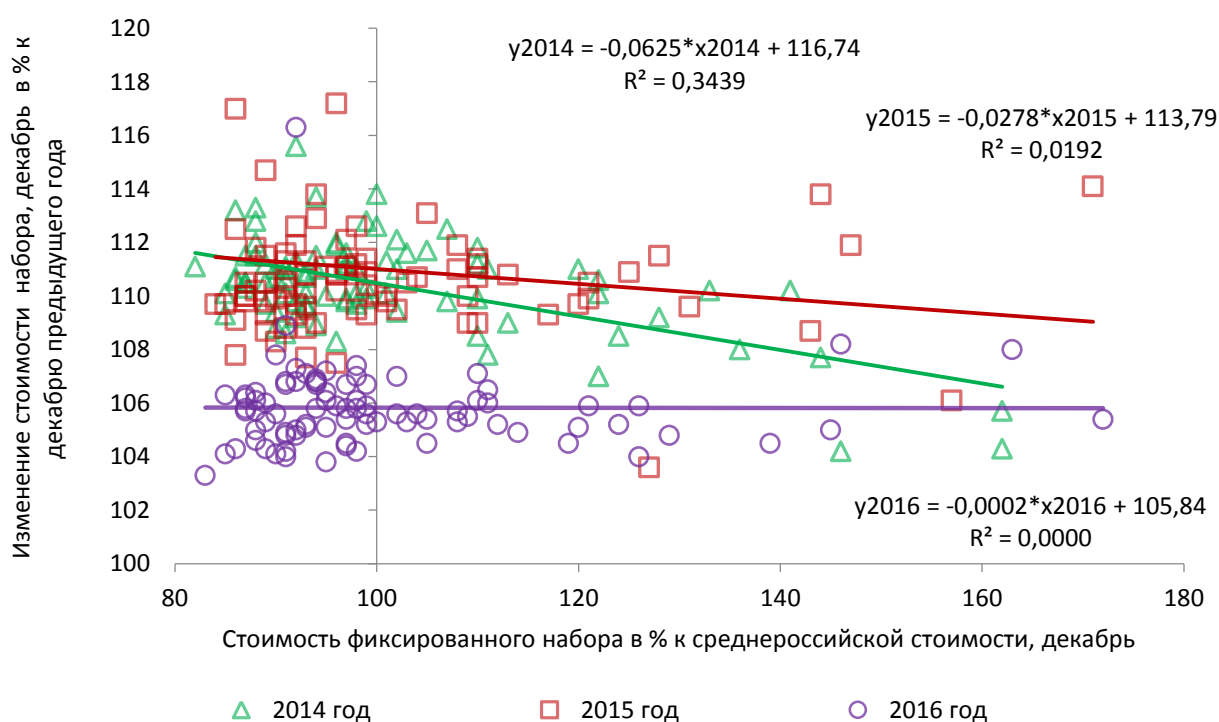

Рисунок 20 – Региональные траектории изменения стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (вертикальная ось) в проекции на соотношение стоимости со среднероссийской (горизонтальная ось) в 2014-2016 гг.

Источник: расчеты на основе сборника «Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в декабре 2016 г.». Росстат.

В 2014 г. регионы с высокой стоимостью жизни показали меньший прирост стоимости фиксированного набора, линия тренда имела хороший отрицательный наклон и объясняла 34% дисперсии. Таким образом, межрегиональная дифференциация стоимости жизни за 2014 г. снизилась. В 2015 г. процесс стал слабее, наклон линии тренда стал меньше, и объяснительная сила линейной регрессии уменьшилась. В 2016 г. вместе со снижением инфляции зависимость темпа изменения стоимости фиксированного набора товаров и услуг от его соотношения с федеральным показателем исчезла.

2. РЫНОК ТРУДА

Рынок труда подтверждает свою приверженность специфической «российской модели», при которой адаптация к экономическому спаду происходит не за счет сокращения занятости, а за счет снижения заработных плат. Эта адаптация произошла в 2015 г., когда реальные зарплаты сократились почти на 10%, и завершилась уже к началу 2016 г., поэтому в течение 2016 г. серьезных изменений на рынке труда уже не происходило. Динамика по всем основным показателям рынка труда либо практически отсутствовала, либо вписывалась в заданные еще до кризиса устойчивые тренды. Стабильность рынка труда обеспечивает общую социальную стабильность, но одновременно консервирует накопившиеся противоречия и диспропорции.

Экономическая активность, занятость и безработица

Драматические изменения, зафиксированные на рынке труда в 2015 г., сменились в 2016 г. стабилизацией практически всех основных показателей. Напомним, что экономический кризис в его острой фазе в 2015 г. отразился на рынке труда по классическому сценарию его адаптации ко всем предыдущим кризисам в России: подстройка к экономическому спаду происходила, в первую очередь, не через сокращение занятости и рост безработицы, а через ценовую адаптацию – снижение заработных плат. И на протяжении кризисов 1990-х гг., и в 2008-2009 гг. ситуация повторялась лишь с незначительными отклонениями от этой модели, ставшей для российского рынка труда, судя по всему, традиционной (рис. 21).

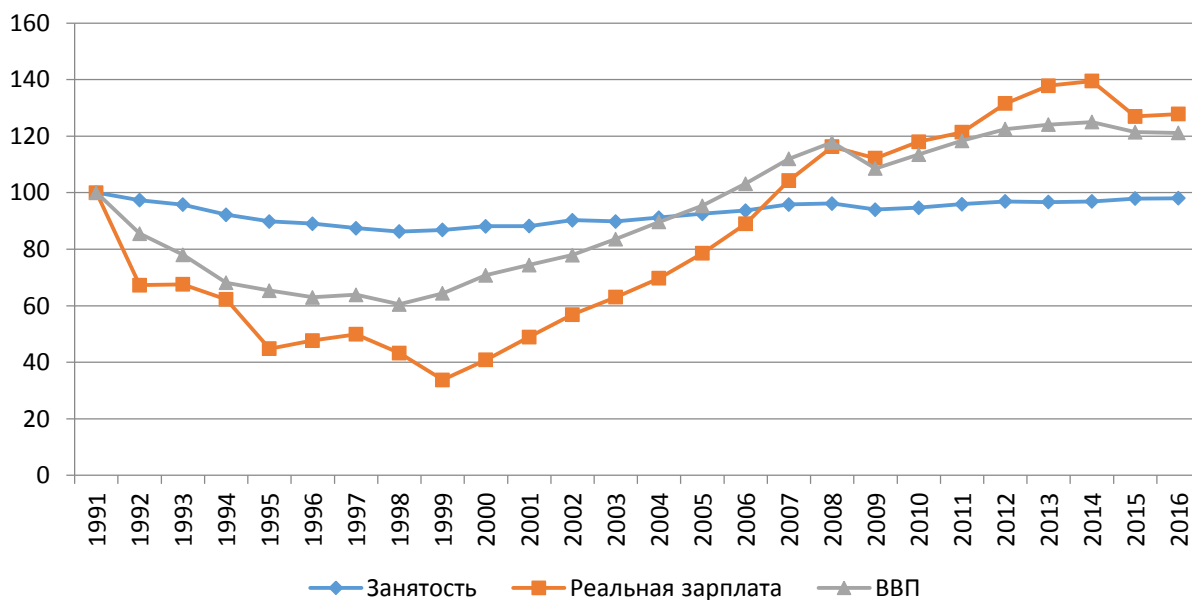

Рисунок 21 – Динамика занятости, заработных плат и ВВП с 1991 г., в % от уровня 1991 г.

Источник: Росстат. Серия докладов «Российский статистический ежегодник» за 1992-2015 гг. Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2016-2017 гг.

По масштабу реакция рынка труда в 2015 г. напомнила о кризисе 1990-х гг., когда снижение заработных плат намного превосходило спад выпуска: снижение ВВП в 1998 г. на 5,3% обрушило зарплаты на 13,3%, а в 2015 г. снижение ВВП на 2,8% сократило зарплаты на 9,0%. Лишь в 2009 г. динамика ВВП (-7,8%) оказалась глубже, чем динамика зарплат (-3,5%), однако причиной тому являлось централизованно проведенное повышение заработных плат в бюджетном секторе накануне и в ходе кризиса. В результате спада экономики в 2015 г. и ВВП, и заработные платы откатились до уровня 2011-2012 гг. В результате падения выпуска при сохраняющейся занятости уровень производительности труда также существенно снизился, что усугубило отставание российской экономики от стран-мировых экономических лидеров.

Ситуация в экономике в 2015-2016 гг. практически не нашла никакого отражения в показателях занятости и безработицы. Несмотря на экономический спад, как это ни парадоксально, рынок труда в 2015-2016 гг. был близок к состоянию полной занятости. Постепенно растущее предложение труда накладывалось на снижение численности населения в возрастах 15-72 лет, в результате численность рабочей силы за последние 10 лет оставалась практически неизменной и держалась на уровне 75,4-75,7 млн. человек (без учета Крыма). Одновременно с этим из-за изменения возрастного состава рабочей силы, снижения доли молодых когорт и нарастания старших возрастов, роста доли имеющих высшее образование, происходит снижение естественного уровня безработицы (по

методологии МОТ). В результате в 2014 г. уровень безработицы находился на минимальной отметке за последние 25 лет (рис. 22) – 5,2%, в 2015 г. поднялся лишь на 0,4 п.п., а в 2016 г. снизился до 5,5%. Отток из России трудовых мигрантов из ближнего зарубежья, являющихся одной из наиболее мобильных групп на рынке труда, также позволил удержать безработицу в 2015-2016 гг. на низком уровне.

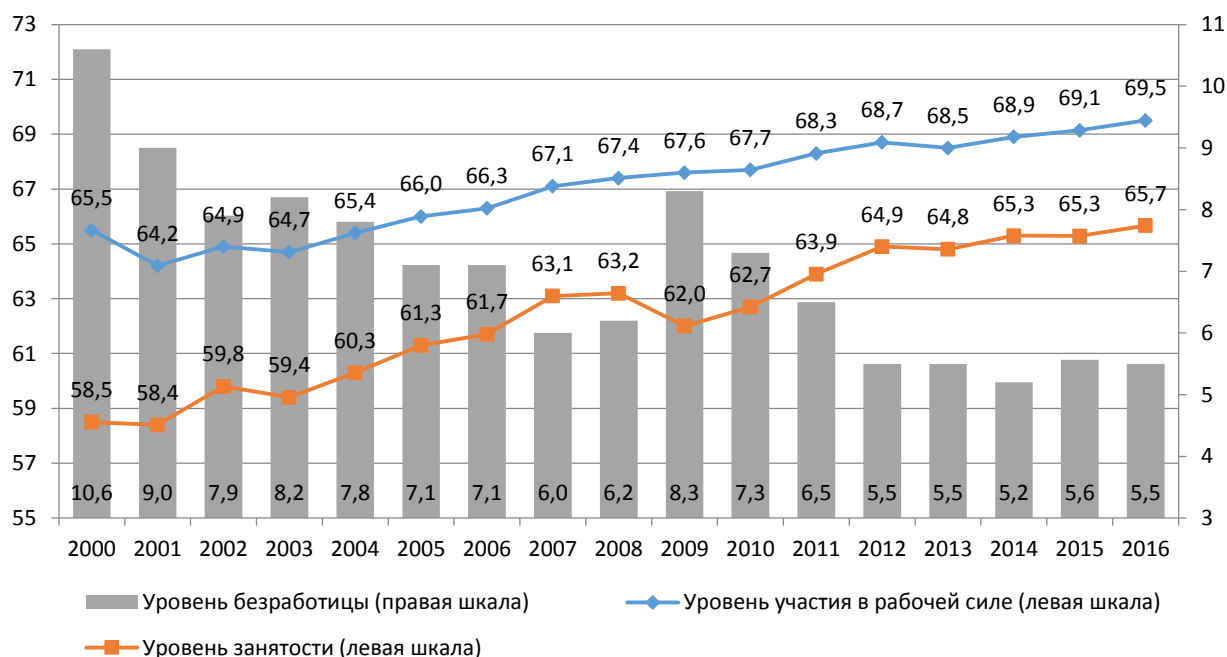

Рисунок 22 – Уровни безработицы, занятости, участия в рабочей силе, в %

Источник: Росстат. Доклады «Труд и занятость» за 2003-2015 гг. Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2015-2017 гг.

Для сравнения: более сильный прирост уровня безработицы в 2009 г. во многом был вызван политическими факторами – удвоением минимального размера оплаты труда, индексацией зарплат в бюджетном секторе, увеличением пособия по безработице. Все эти реформы, произошедшие либо сразу перед кризисом, либо в его первые месяцы, сдерживали падение заработных плат или увеличивали привлекательность статуса безработного среди населения. Одновременно правительство предприняло ряд мер, призванных снизить напряженность на рынке труда, в первую очередь, организовав общественные работы, помогая пройти профессиональную подготовку нуждающимся и ограничивая массовые увольнения. По сравнению с 2009 годом в настоящее время влияние государства на ситуацию на рынке труда было практически неощутимым.

Средний уровень зарегистрированной безработицы в 2016 г. составил 1,2% от всей численности рабочей силы, таким образом, этот показатель вернулся к предкризисному уровню после увеличения на 0,1 п.п. в 2015 г. С другой стороны, известно, что зарегистрированная безработица отражает лишь меньшую часть общей безработицы и в этой связи ее динамика часто не соответствует динамике безработицы по методологии МОТ.

Так как российская модель рынка труда базируется на специфике существующих уже долгое время в России институтов (относительно низком МРОТе и пособиях по безработице, жестком законодательстве о защите занятости, высокой долей премий и бонусов в фонде оплаты труда и других), вероятность роста безработицы в ближайшем будущем минимальна. В отличие от распространенной в развитых странах модели с

жесткими заработными платами и высокой волатильностью занятости, в России эффект кризиса распространяется относительно равномерно на всех работающих, а не на отдельных индивидов, полностью теряющих заработные платы. Помимо снижения общей эффективности экономики, негативным следствием этой специфики российского рынка труда, является высокая доля занятых среди бедного населения, так называемых «работающих бедных».

Заработные платы

Среднемесячная заработная плата наемных работников, по предварительной оценке Росстата, составила в 2016 г. 36 746 рублей. Это всего лишь на 0,7% выше в реальном выражении, чем в 2015 г. На самом деле кризис оказал в достаточной степени неравномерный эффект на заработные платы работников различных секторов экономики (рис. 23).

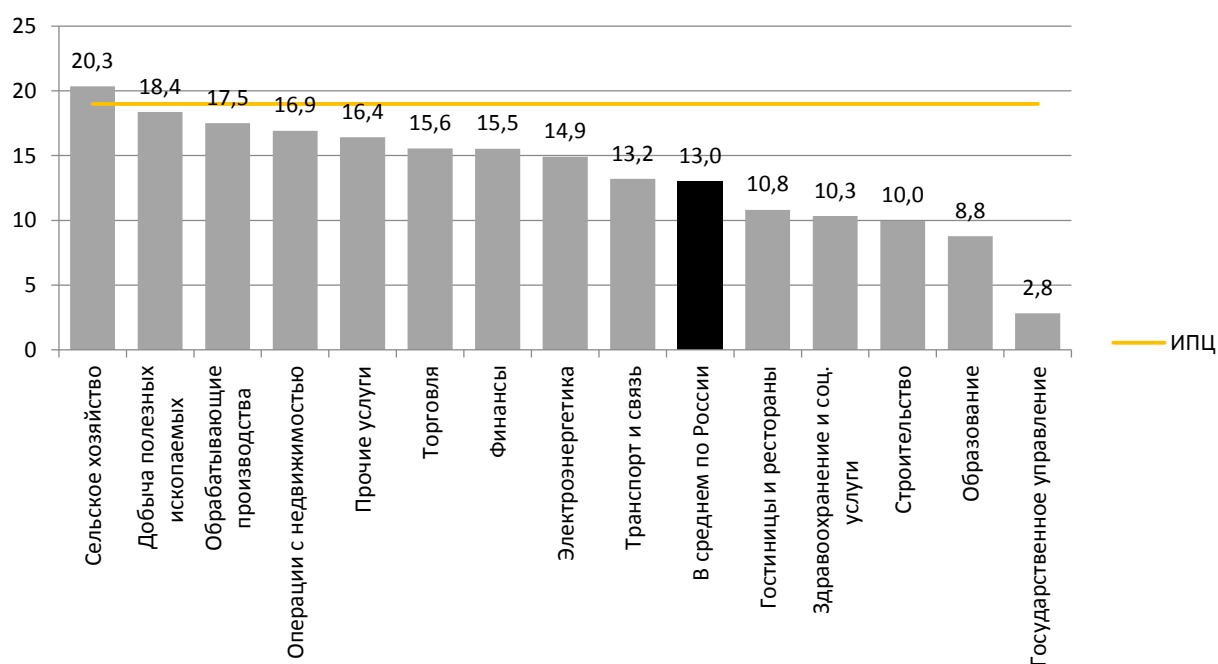

Рисунок 23 – Номинальный прирост средней заработной платы по отраслям экономики и инфляция за 2014-2016 гг., в %

Источник: Росстат. Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2015-2017 гг. В график не включены работники рыболовства, у которых прирост заработных плат за 2 года составил 44%.

В меньшей степени пострадали работники сельского хозяйства, рыболовства, добычи полезных ископаемых и обрабатывающей промышленности. Ориентация на экспорт и девальвация рубля в итоге привели к тому, что рост заработных плат в данных отраслях в номинальном выражении оказался сопоставим с темпами инфляции. Наиболее пострадавшими среди всех занятых оказались работники государственного управления, образования, здравоохранения и строительства. Практически отсутствие роста заработных плат у чиновников объясняется действующим мораторием на повышение заработных плат. Повышение заработных плат работников в сфере образования и здравоохранения как результат выполнения Указов Президента от 2012 г.¹⁴ по сути являлось основным

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года N 597 "О мероприятиях по реализации государственной социальной политики"

драйвером роста зарплат в 2012-2014 гг. Однако в 2015-2016 гг. в результате снижения доходов бюджетов всех уровней индексация для работающих в этих секторах была существенно ниже инфляции. В результате дополнительный приток «работающих бедных» частично произошел именно среди работников бюджетного сектора. С другой стороны, анализ заработных плат включает только работников организаций, тогда как многие работающие с низким уровнем заработков сконцентрированы в неформальном секторе.

Проблема задержек заработных плат перед работниками средних и крупных предприятий в 2015-2016 гг., в отличие от большинства предыдущих кризисов, практически не стояла. Лишь 0,2% от всех занятых в этом секторе экономики сталкивались с ней. Для сравнения – в 2009 г. доля таких работников составляла более 1%, а в 1990-е гг. – до половины промышленных предприятий имели задолженность по заработной плате перед работниками¹⁵. Во многом это связано с усилением государственного контроля над предприятиями. В частности, с осени 2016 г. вступил в действие новый закон, еще больше ужесточающий требования к организациям в области своевременной выплаты заработных плат¹⁶. С другой стороны, учитывая значительный по масштабу неформальный сектор в экономике России, где регулярность выплаты заработной платы практически не контролируется, картина может быть совершенно другой, о чем часто свидетельствуют опросы населения.

Трудовая мобильность и неполная занятость

На протяжении последних 25 лет наблюдалось снижение численности работников средних и крупных организаций – доля выбывших регулярно превосходила долю принятых (рис. 24).

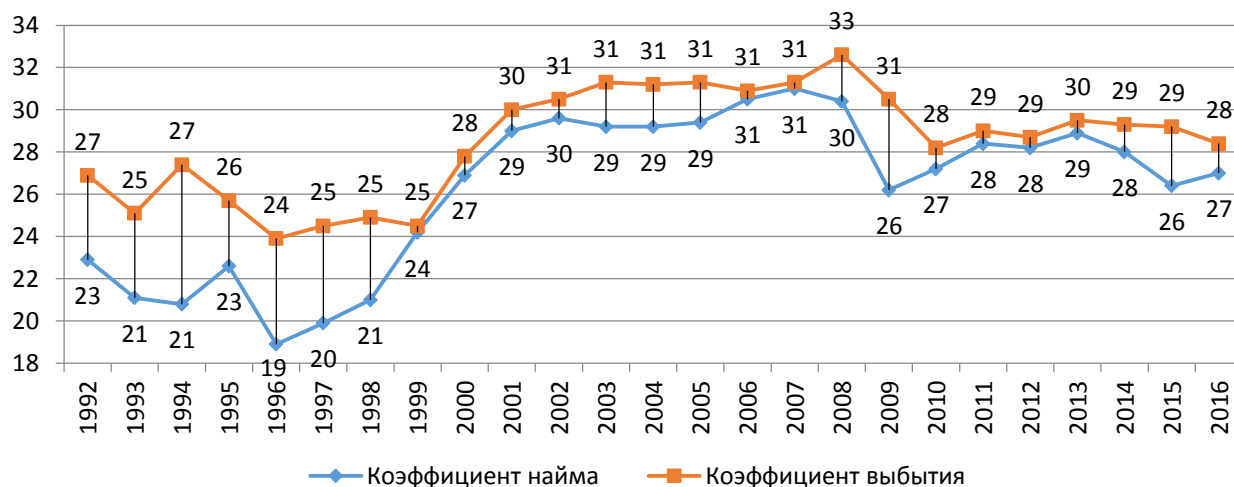

Рисунок 24 – Коэффициенты приема и выбытия в средних и крупных организациях, в % от среднесписочной численности

Источник: Росстат. Серия докладов «Российский статистический ежегодник» за 1992-2015 гг. Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2016-2017 гг.

¹⁵ Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. / Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.

¹⁶ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 272-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам повышения ответственности работодателей за нарушения законодательства в части, касающейся оплаты труда"

Реакция на кризисы в основном шла не через дополнительные увольнения, а через уменьшение приема. В 2015 г., как и в прошлые периоды, крупные и средние предприятия отреагировали на экономический спад по классическому сценарию, разница между наймом и выбытием в итоге увеличилась с 1% до 3% от списочного состава, но уже в 2016 г. вернулась к докризисному уровню. Это говорит о том, что крупные и средние предприятия привычным образом адаптировались к текущей экономической ситуации. Причем в этом новом равновесии уровень мобильности, рассчитываемый как сумма коэффициентов приема и выбытия, оказывается немного ниже, чем в докризисных 2011-2014 гг.

Инструментом реагирования на экономические кризисы в России является сокращение рабочего времени и неполная занятость. К сожалению, строить ретроспективные длинные ряды по уровню неполной занятости по данным Росстата невозможно – с 2013 г. методология расчета этого показателя изменилась. Можно лишь судить о динамике последних 3-х лет. Доля работников, вынужденно работающих неполный рабочий день или находящихся в простое, увеличилась с 9,3% в 2013 г. до 10,7% в 2016 г. (см. рис. 25).

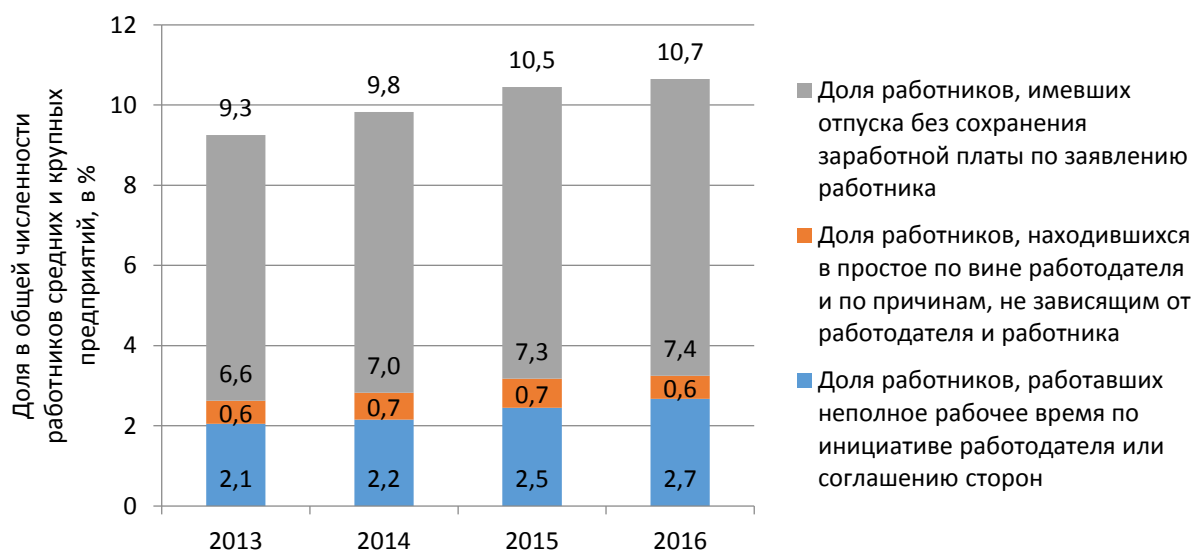

Рисунок 25 – Неполная занятость, % от списочной численности работников в средних и крупных предприятиях

Источник: Росстат. Доклады «Социально-экономическое положение России» за 2016-2017 гг.

Таким образом, этот рост не был взрывным, и изменения носили не острый и плавный характер. К тому же совокупный фонд рабочего времени в расчете на одного работника после снижения в 2015 г. на 0,9% в 2016 г. вернулся к докризисному уровню. В итоге можно утверждать, что в ходе текущего кризиса рынок труда лишь в небольшой мере прибегал к неполной занятости. Это также отличает текущую ситуацию от реакции рынка труда на прошлый кризис, когда численность работавших неполное рабочее время достигла своего максимума в 2009 г., а при выходе из кризиса в 2010 г. упала практически в два раза¹⁷.

¹⁷ Росстат начал собирать ежемесячные данные по неполной занятости с декабря 2008 г., поэтому сопоставимая ситуация на рынке труда до кризиса не известна.

Занятость в неформальном секторе

Основная проблема анализа рынка труда в России – практически все основные показатели статистики доступны только для работников организаций, причем многие характеристики – только по занятым на крупных и средних предприятиях. В то же время почти пятая часть всех занятых в настоящее время работает в неформальном секторе и, тем самым, находится за границей точного экономического и трудового анализа. Необходимо понимать, что неформальный сектор по определению Росстата состоит как раз из тех, по кому подробная статистика по многим показателям на периодической основе не собирается: индивидуальным предпринимателям, работникам, занятым у них, самозанятым, а также работающим на случайной основе. Например, лишь в 2015 г. были сделаны официальные оценки заработных плат в этом секторе, что позволило скорректировать общую оценку средних заработных плат по стране¹⁸. Таким образом, занятый, отнесенный Росстатом в неформальный сектор, не эквивалентен тому работнику, кто не платит в своей трудовой деятельности налогов или страховых взносов.

Официальные статистические оценки занятости в неформальном секторе не показывают существенных изменений в этом показателе с начала кризиса (см. рис. 26). Сохраняется долгосрочная тенденция роста неформальности, связанная как с изменением структуры экономики (ростом секторов, где неформальная занятость традиционно выше), так и с сохранением традиционных институтов, ее порождающих (например, жесткого трудового законодательства и низких пособий по безработице).

Рисунок 26 – Доля занятых только в неформальном секторе от всех занятых, в %

Источник: Росстат. Обследования рабочей силы за 2013-2016 гг.

Итак, анализ статистики по рынку труда показывает, что практически единственным инструментом его подстройки к текущему кризису оказались заработные платы. В 1990-е годы работодателям приходилось формировать задолженность по заработной плате перед работниками, а также массово отправлять их в вынужденные отпуска или переводить на неполный рабочий день. В 2008-2009 гг. реакция рынка труда была нетипична из-за активного вмешательства государства: с одной стороны, оно усиливало социальную защиту работников, что одновременно провоцировало рост

¹⁸ Новая оценка составила 30 694 рубля, что на 10% ниже оценки заработных плат только для работников организаций.

безработицы (практически одномоментное повышение МРОТ, размера пособий по безработице, зарплат бюджетников), а, с другой стороны, благодаря ряду мероприятий сдерживало рост безработицы (общественные работы, опережающая профессиональная подготовка). В 2015-2016 гг. государство в ситуацию на рынке труда практически не вмешивалось, а работодатели предпочли заморозить и даже сократить заработные платы, что в условиях резко увеличившийся инфляции в 2015 г. привело к их существенному снижению в реальном выражении.

Таким образом, уже к началу 2016 г. рынок труда адаптировался к новой экономической ситуации. В отличие от предыдущего кризиса 2008-2009 гг., когда рынок труда быстро вернулся к докризисному уровню, в настоящее время явных признаков такого процесса нет. Наоборот, всё указывает на долгосрочный спад в экономике, ведущий к продолжительному снижению активности и на рынке труда.

3. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ¹⁹

Кризис не завершился в 2016 г. ни на рынке труда, подтверждением этому служит медленное снижение неполной занятости, ни в реальных доходах населения, которые продолжают сокращаться почти во всех регионах, несмотря на прекращение спада реальной заработной платы в 60% регионов.

Расходы бюджетов регионов росли быстрее по сравнению с 2015 г., но не за счет расходов, направленных на развитие человеческого капитала. В 2015 г. сильнее оптимизировались расходы на образование, в 2016 г. – на здравоохранение. Более стабильно росли только расходы на социальную политику (социальную защиту населения), социальная стабильность – самый важный приоритет для властей регионов.

Занятость и доходы населения в регионах

Влияние динамики экономики на социальное развитие регионов в 2016 г. было разнонаправленным. Спад промышленного производства прекратился, за исключением 20 регионов. Спад инвестиций был минимальным (-0,9%), однако регионов с отрицательной динамикой больше половины (47). Замедление спада в основном обеспечено позитивной динамикой нескольких регионов с самым большим объемом инвестиций – Тюменской области с автономными округами, Москвы и С.-Петербурга. Спад жилищного строительства продолжался и в целом по стране (-6,5%), и в 48 регионах. Негативная динамика сохранялась и в розничной торговле (-5,2%), которая служит индикатором потребления населения. И хотя темпы спада замедлились вдвое (2015 г. – на 10%), он продолжался почти во всех регионах страны.

Региональные рынки труда оставались стабильными, уровень безработицы за последние три года почти не изменился. Заметное снижение уровня безработицы по сравнению с 2015 г. произошло в восьми регионах (Владимирская, Вологодская, Томская области, Пермский, Алтайский, Хабаровский края, республики Чечня и Тыва), а рост – только в двух (республика Марий Эл, Ярославская область), в них же выросла и неполная занятость.

Масштабы неполной занятости за год сократились незначительно: с 3,4% от списочной численности работников в IV квартале 2015 г. до 3,1% в IV квартале 2016 г.

¹⁹ Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В. Социально-демографические индикаторы: региональное измерение. // Экономическое развитие России. 2017. №3. – С.90-100

Повышенная доля работающих неполное время (4,5-6,5%) сохраняется в регионах автомобильной промышленности (Самарская, Калужская, Нижегородская области), в республике Крым и Севастополе, а также в Тверской области и Чувашии со значительной занятостью в машиностроении. Численность находящихся в отпусках без сохранения содержания также сократилась незначительно (с 7,5 до 7,2% от списочной численности работников), максимальный уровень (9-11%) сохраняется в Челябинской и Свердловской областях, республике Крым, заметно ухудшились показатели в Севастополе и республике Марий Эл.

Доходы населения сокращаются третий год подряд, при этом в 2016 г. темпы спада были выше, чем в 2015 г. (-5,6% и -4,1% соответственно). Спад продолжался в подавляющем большинстве регионов, хотя в половине регионов Центрального ФО он был менее сильным.

Заметный рост доходов населения в Ленинградской области и регионах Крыма, как и рост в Дагестане и Ингушетии, скорее всего, можно отнести к дефектам статистического учета. Измерения нарастающим итогом за два года (с 2014 г. по 2016 г.) показывают, что спад реальных доходов населения достиг 10%. Региональные различия весьма трудно объяснить из-за проблем статистического учета доходов, но некоторые тенденции видны: в большинстве регионов Центрального федерального округа спад менее сильный, самую худшую динамику имеют Уральский, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа, где темпы спада доходов в большинстве регионов превышают средние по стране, в Сибири и на Дальнем Востоке таких регионов около половины.

Динамика реальной заработной платы была более позитивной, после спада на 8,4% в 2015 г. она выросла на 1,1% в 2016 г. (декабрь к декабрю). Рост реальной заработной платы в 2016 г. отмечался в 34 регионах, самый значительный – в Чукотском АО, Забайкальском крае, Ростовской области и С.-Петербурге (на 5-8%), объяснить причины сложно. В 17 регионах реальная заработная не изменилась, в т.ч. в Москве, а в 36 продолжала снижаться, особенно сильно – в республике Татарстан (на 7%), республике Крым и Севастополе, в Ненецком АО (на 9-10%). Только для Ненецкого АО негативная динамика объяснима – из-за бюджетного кризиса там была снижена заработная плата занятых в бюджетном секторе. Негативная динамика заработной платы в регионах Крыма сильно отличается от динамики доходов населения, которые росли. В Татарстане заработная плата снизилась значительно сильнее, чем доходы населения. Эти примеры показывают, что качество статистики доходов населения и заработной платы в регионах остается невысоким.

Подводя итоги 2016 г., можно утверждать, что кризис не завершился ни на рынке труда, подтверждением этому служит медленное снижение неполной занятости, ни в реальных доходах населения, которые продолжают сокращаться почти во всех регионах, несмотря на прекращение спада реальной заработной платы в 60% из них.

Социальные расходы консолидированных бюджетов регионов

Динамика социальных расходов консолидированных бюджетов регионов в 2016 г. была обусловлена несколькими факторами. Первый – существенный рост доходов бюджетов регионов (на 6,6% к 2015 г.), что позволило увеличить расходы. Второй – федеральные выборы, которые обычно сопровождаются ростом социальных расходов и усиливают политические риски их оптимизации. Третий – большой долг бюджетов многих регионов, что вынуждает оптимизировать расходы бюджетов, несмотря на выборный год. Каждый регион искал свой собственный путь между «Сциллой и Харибдой» социальных обязательств и необходимости экономить.

Основной тенденцией стал более быстрый рост расходов бюджетов (на 4,8%) по сравнению с 2015 г., количество регионов с отрицательной динамикой расходов сократилось на треть (табл. 2). Однако рост социальных расходов чаще всего не был приоритетным, быстрее росли расходы на национальную экономику и ЖКХ, в основном за счет расходов огромного бюджета Москвы. В результате доля расходов бюджетов регионов на социальные цели сократилась за 2014-2016 гг. с 61 до 58%.

Таблица 2 – Динамика расходов консолидированных бюджетов регионов

Расходы	Динамика, %		Число регионов с сокращением	
	2015 г. к 2014 г.	2016 г. к 2015 г.	2015 г.	2016 г.
Расходы всего	1,4	4,8	31	21
в т.ч. без Москвы	2,6	3,0		
ЖКХ	-5,1	9,5	51	37
в т.ч. без Москвы	-2,6	3,0		
Культура и кинематография	-2,5	9,8	54	34
в т.ч. без Москвы	0,8	4,5		
Образование	0,8	3,0	48	22
в т.ч. без Москвы	1,6	2,8		
Здравоохранение	4,6	-5,5	20	53
в т.ч. без Москвы	7,3	-7,4		
Здравоохранение вместе с расходами ТФОМС	11,5	-1,4	0	44
в т.ч. без Москвы	13,3	-2,5		
Социальная политика	5,8	10,5	16	14
в т.ч. без Москвы	5,8	11,3		

Источник: рассчитано по данным Федерального Казначейства Российской Федерации <http://www.roskazna.ru/>

Еще одна тенденция – изменения политики регионов в отношении разных видов социальных расходов. При этом необходимо учитывать влияние огромного бюджета Москвы, его доля в расходах бюджетов всех регионов составляет более 17%, поэтому в табл. 2 представлены расчеты по всем субъектам РФ, а также без Москвы.

Анализ показывает, что в последние два года направления оптимизации социальных расходов бюджетов менялись: в 2015 г. практически не росли расходы регионов на образование и культуру (без учета Москвы), а в 2016 г. сокращались расходы на здравоохранение. Сократились даже суммарные расходы бюджетов на здравоохранение и территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ТФОМС), доля последних составляет 52% от всех расходов по этой статье. Здравоохранение стало явной «болевым точкой» в 2016 г. На динамику повлиял и институциональный фактор: в дюжине регионов часть расходов на здравоохранение, которые выполняли функцию социальной защиты, стали учитываться в 2016 г. по статье «социальная политика» (социальная защита населения). Сильно менялась за два года и динамика расходов на культуру, но тут основная причина – вклад Москвы. Ее расходы в 2016 г. выросли на 41%, деятелям столичной культуры в год выборов нужна особая поддержка. Более устойчива только динамика расходов на социальную защиту населения, в подавляющем большинстве регионов эти расходы росли, поскольку сокращать помощь населению в год выборов политически рискованно.

Региональные различия в динамике основных видов социальных расходов в 2016 г. очень велики (рис. 27). Следует еще раз отметить, что в 13 регионах (Брянская, Липецкая, Московская, Калужская, Ивановская, Ленинградская, Волгоградская, Оренбургская, Тюменская, Амурская области, республики Дагестан и Чувашия) сильный рост расходов на социальную защиту населения (на 31-58%) обусловлен переносом в бюджетной отчетности части расходов из статьи «здравоохранение» в статью «социальная политика». Несмотря на эти искажения, на графике видны основные тенденции 2016 г.

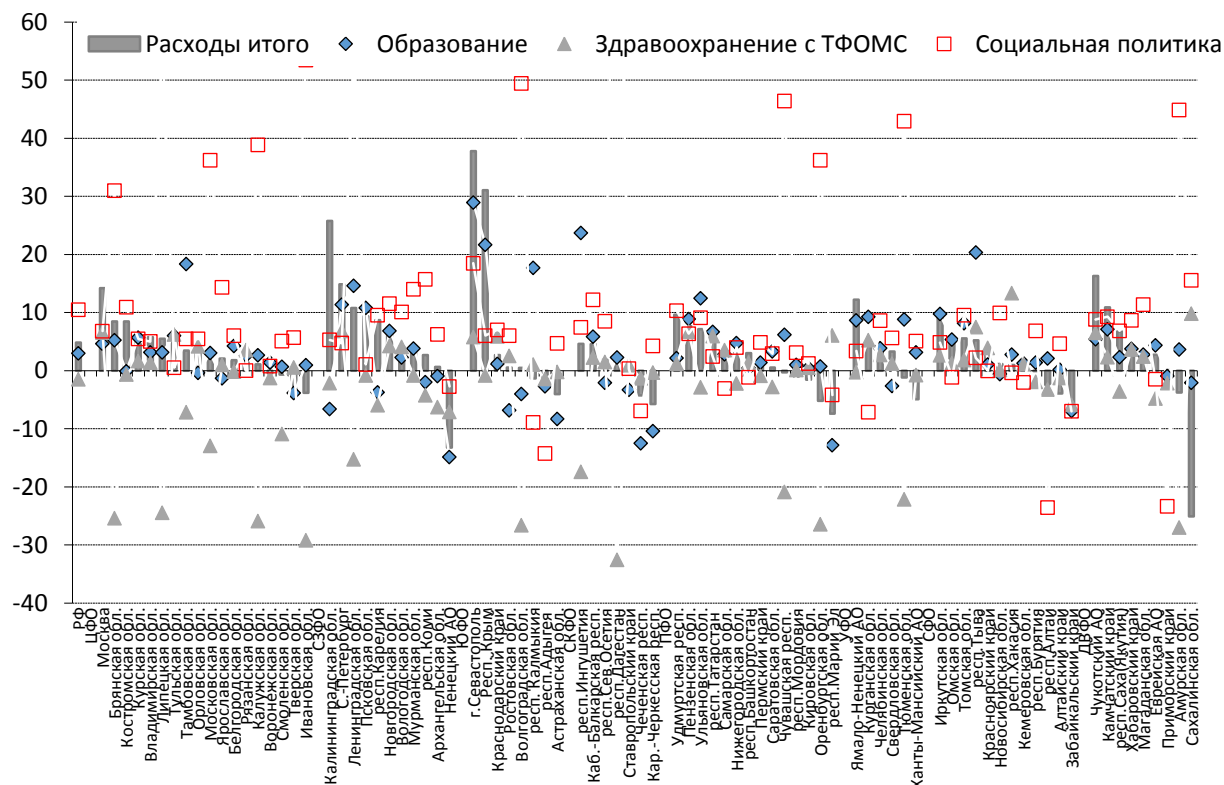

Рисунок 27 – Динамика социальных расходов консолидированных бюджетов регионов, 2016 г. к 2015 г., %

Источник: рассчитано по данным Федерального Казначейства Российской Федерации <http://www.roskazna.ru/>

Прежде всего, это опережающий рост расходов на социальную защиту населения в подавляющем большинстве регионов, отчасти он обусловлен изменениями в бюджетной отчетности. Во-вторых, рост расходов на образование в 62 регионах, хотя не везде он был обоснованным.

В республиках Ингушетия, Калмыкия и Тыва (рост на 18-24%) этого требует демографическая ситуация и слаборазвитая социальная инфраструктура, в Тамбовской области (18%) годом раньше был провал финансирования образования, в Ленинградской области (15%) растет население из-за миграционного притока. Однако максимальный рост в республике Крым и Севастополе (на 22-29%) объясняется нерациональной бюджетной политикой местных властей, которые уверены в том, что для них задача оптимизации не существует. Значительно сократили расходы на образование Ненецкий АО, республики Марий Эл и Чечня (на 12-15%), Карачаево-Черкесия (на 10%), Забайкальский край, Астраханская, Ростовская и Калининградская области (на 7-8%), при этом только в Ненецком АО причиной было резкое снижение доходов бюджета.

В-третьих, сокращение или стагнация расходов на здравоохранение во многих регионах. Даже если исключить искажения (перенос части расходов в другие статьи бюджета), общая динамика удручает – рост расходов на здравоохранение был заметно выше уровня инфляции только на Сахалине и в Хакасии (на 10-13%), в Москве, С.-Петербурге, Пензенской области, республике Тыва и Чукотском АО (7-8%).

Разнонаправленная динамика привела к изменению доли социальных расходов в структуре расходов бюджетов регионов в 2016 г. по сравнению с 2015 г.: доля расходов на образование сократилась с 26,1% до 25,6%, на здравоохранение – с 14,3 до 12,9%, а на социальную защиту населения выросла с 15,8% и до 16,6%. В семи регионах (Дагестан, Ивановская, Амурская, Оренбургская, Волгоградская, Брянская областях, республика Чувашия) доля расходов на социальную защиту населения достигла 26-29% всех расходов, но это следствие переноса расходов из других статей, еще в 13 регионах она составила 20-22%. Политика властей многих регионов все более ориентируется не на развитие человеческого капитала, а на сохранение стабильности путем увеличения расходов на социальную защиту населения. В целом в 2016 г. расходы бюджетов росли быстрее по сравнению с 2015 г., но не за счет расходов, направленных на развитие человеческого капитала. В 2015 г. сильнее оптимизировались расходы на образование, в 2016 г. – на здравоохранение. Более стабильно росли только расходы на социальную защиту населения, приоритет социальной стабильности стал самым важным для властей регионов.

4. ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ

Снижение числа рождений ускоряется. Вызванный малочисленностью поколений потенциальных матерей, этот тренд закрепится на ближайшие несколько лет. Динамика смертности остается умеренно позитивной: продолжается медленное снижение числа умерших, в том числе уменьшается смертность в трудоспособных возрастах и младенческая смертность. В связи с этим, в целом по предварительным итогам 2016 г. число родившихся все еще незначительно превышает число умерших (на 0,3%). Первый месяц 2017 г. показал негативную демографическую динамику: снижение числа родившихся шло на фоне повышения числа умерших.

Несмотря на увеличение регистрируемого числа международных и внутренних долгосрочных мигрантов в последние годы, миграционный прирост удерживается на стабильном уровне. Долговременная миграция слабо реагирует на изменения социально-экономической ситуации в России и ее регионах, колебания показателей объясняются чаще всего изменениями процедур статистического учета. Заметного изменения количественного и качественного состава трудовой миграции в Россию также не произошло. Число трудовых мигрантов продолжило снижаться, но плавно и не катастрофично. Граждане СНГ составляют более 95% иностранных работников в России и российские работодатели не намерены отказываться от их услуг.

Мониторинг воспроизводства населения

Тенденции рождаемости

В конце 2016 г. – начале 2017 г. можно говорить о том, что Россия вступила в длительную фазу негативного влияния возрастной структуры потенциальных матерей. Сокращение числа рождений связано, прежде всего, со снижением численности молодых женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах (рис. 28). Пик рождений сейчас приходится на 27 лет, это женщины 1990-го года рождения. В дальнейшем падение числа

рождений ускорится, так как вслед за ними к пику будут подходить женщины, родившиеся в первой половине 1990-х гг. Их значительно меньше, чем женщин второй половины 1980-х годов рождения.

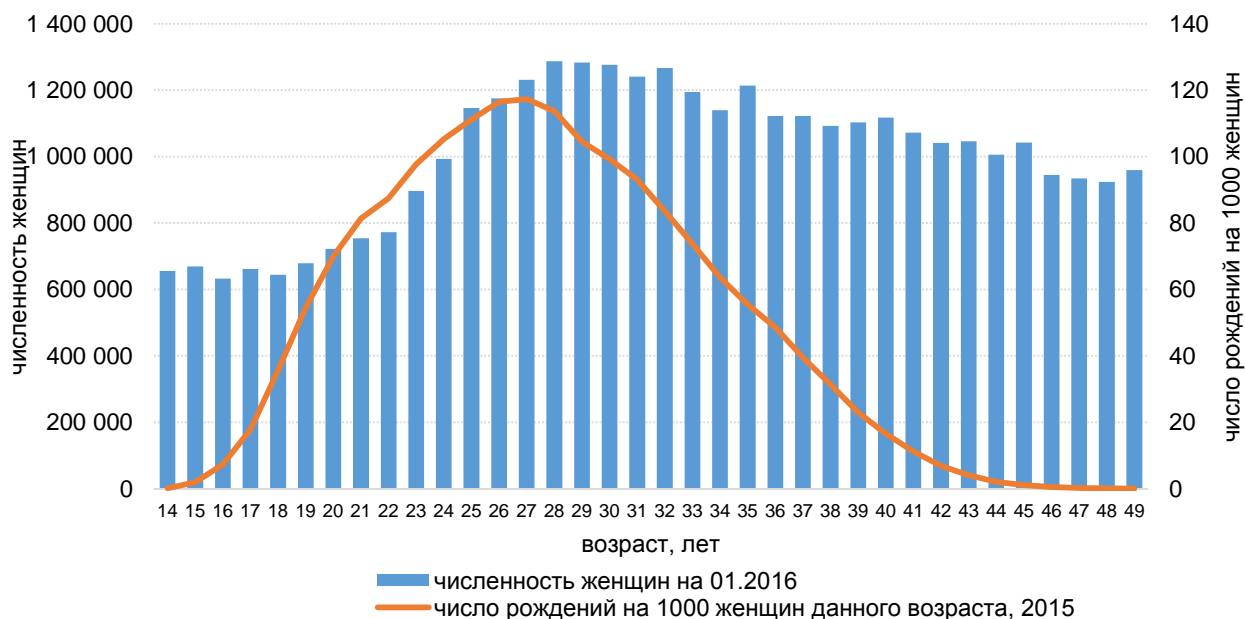

Рисунок 28 – Численность женщин на начало 2016 г., человек, и возрастные коэффициенты рождаемости в 2015 г., промилле

Источник: расчеты авторов на данных о естественном движении населения Федеральной службы государственной статистики

По предварительным итогам 2016 г. общее число рождений составило 1893,3 тысяч – это на 50 тысяч меньше, чем было в 2015 г. Если предыдущие два года начинались со снижения числа рождений, но потом восстанавливали положительную динамику, то в 2016 г. такого не случилось (рис. 29).

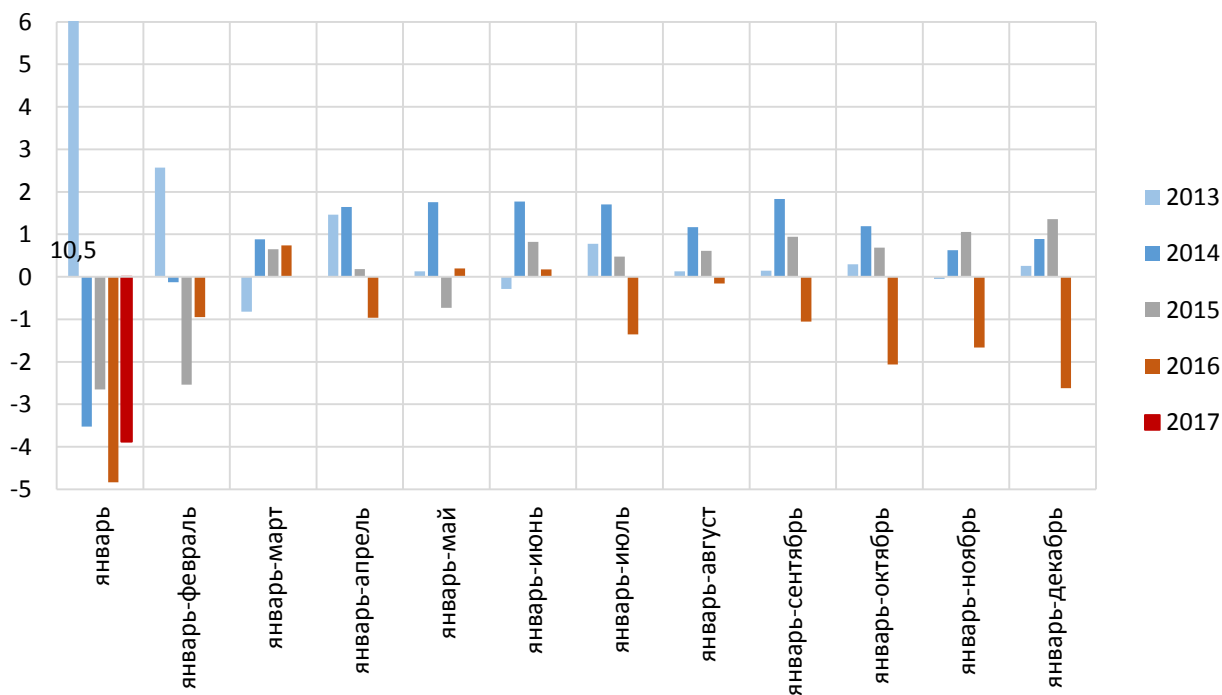

Рисунок 29 – Темп прироста числа рождений к аналогичному периоду прошлого года, %

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики и ЕМИСС <https://www.fedstat.ru/>

К концу года негативный тренд стал стабильным. Первый месяц 2017 г. показал его продолжение. Общий коэффициент рождаемости, также подвластный влиянию структуры населения, снизился за 2016 г. с 13,3 до 12,9 рождений на 1000 населения всех возрастов.

Вместе с тем говорить об изменении интенсивности деторождения нельзя: за 2016 г. пока неизвестны необходимые показатели (суммарный коэффициент рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости). Однако нет оснований ожидать их значимого снижения в 2016 г. По итогам 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,78 ребенка на женщину условного поколения. Его годовой прирост на 1,5% был полностью обеспечен городским населением. Интенсивность деторождения в сельской местности за 2015 г. упала с 2,32 до 2,11 ребенка, тогда как в городской местности – выросла с 1,59 до 1,68 ребенка. Если в 2016 г. тенденция была продолжена, это означает, что разрыв в уровнях рождаемости между городской и сельской местностью вернулся к тому, что наблюдался до 2007 г. (0,4 ребенка в среднем).

В последние годы наблюдался не только рост суммарного коэффициента рождаемости, но и плавное изменение структуры рождений по очередности. В 2015 г. продолжился рост вторых и последующих рождений (рис. 30а): доля первых рождений составила 41,4%, вторых – 40,6%, третьих и более рождений – 18%. Интересно, что по структуре рождений картина 2015 г. предельно близка к 1987 г. (рис. 30б). Однако эта схожесть поверхностна: суммарный коэффициент рождаемости в 1987 г. составлял 2,23 ребенка, а календарь рождений был ближе к молодым возрастам. Сейчас средний возраст матери при первом рождении превышает 25 лет и продолжает расти падающими темпами (в 2015 г. он составил 25,46 года). Наконец, сегодняшний день отличается от тридцатилетней давности более высоким распространением бездетности. Средняя очередность рождения, поднявшись после 2007 г. с длительного плато в 1,6, остается на уровне 1,8 рождений на одну женщину. Это показатель тоже говорит о повышении концентрации рождений высокой очередности.

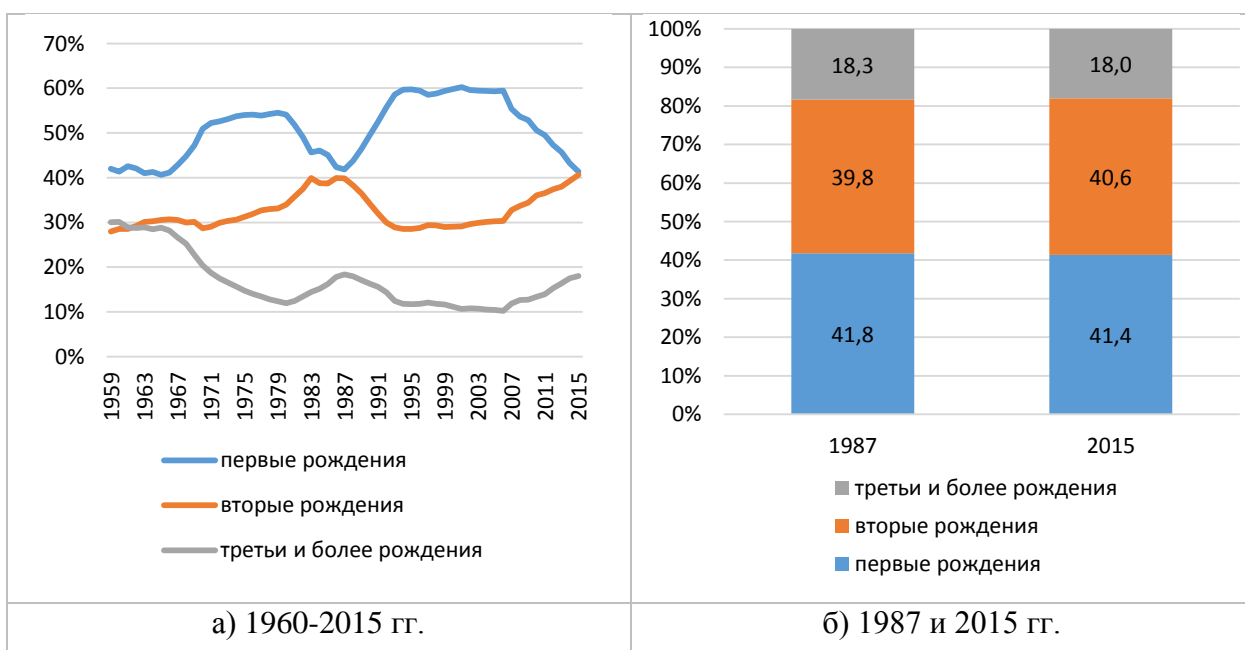

Рисунок 30 – Доля первых, вторых, третьих и более рождений в общем числе родившихся, %

Источники: 1960-2010: The human fertility database; 2011-2014: расчеты на Данных Федеральной службы государственной статистики о естественном движении населения; 2015: расчеты на предварительных данных Федеральной службы государственной статистики о естественном движении населения (с учетом нераспределенных по возрасту матери и порядку рождений).

Наибольшее снижение числа рождений в 2016 г. затронуло регионы Северо-Кавказского, Уральского и Сибирского федеральных округов (рис. 31). Относительно благополучно чувствуют себя регионы, в которых наиболее высок возраст матери при первом рождении: Москва и Санкт-Петербург с областями, отдельные регионы центральной и северо-западной России.

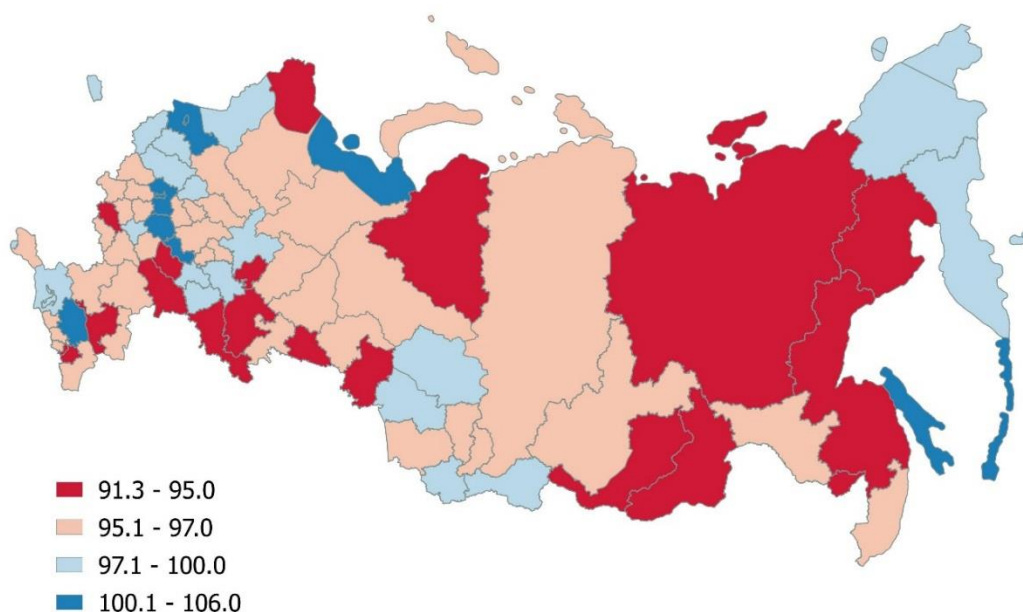

Рисунок 31 – Отношение общего коэффициента рождаемости 2016 г. к 2015 г., %

Источник: оперативная информация Росстата

Региональная дифференциация интенсивности рождаемости в России невелика. К 2015 году осталось всего 4 региона, в которых суммарный коэффициент рождаемости превышает уровень простого воспроизводства населения (2,2 ребенка на одну женщину) – это Республики Тыва (3,4 ребенка), Алтай (2,7 ребенка), Бурятия (2,3 ребенка) и Саха (Якутия) (2,2 ребенка)²⁰. Субъекты Северо-Кавказского федерального округа, вопреки распространенному мнению, по уровню рождаемости находятся ниже уровня простого воспроизводства населения. В подавляющем большинстве регионов России рождаемость находится в диапазоне от 1,5 до 2 детей на 1 женщину условного поколения. Самая низкая рождаемость традиционно фиксируется в Ленинградской области (1,3 ребенка). Достаточно низкой – по разным причинам – является она в Республике Мордовия и в Москве (1,4 ребенка).

Тенденции смертности

²⁰ Суммарные коэффициенты рождаемости рассчитаны авторами на данных о естественном движении населения России (Росстат) за 2015 г. по 80 регионам (в нашем распоряжении нет данных по Республике Чечня, Магаданской области, и автономным округам – Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Ненецком). Также авторы хотели бы обратить внимание на то, что региональная статистика отличается меньшей степенью точности и корректности по сравнению с федеральной.

В целом по предварительным итогам 2016 г. число родившихся превысило число умерших на 0,3% (в 2015 г. число родившихся превысило число умерших на 1,7%). По предварительным итогам 2016 г. умерло 1887,9 тысяч человек, это на 23,5 тыс. меньше, чем за 2015 г. Данные помесячной отчетности свидетельствуют о том, что наибольшее число смертей обычно приходится на зимние (особенно январь) и весенние месяцы, а наименьшее – на летние и осенние месяцы. Число умерших в январе 2017 г. составило 179 410 человек, это выше аналогичного показателя за 2016 г. на 6%, за 2015 – на 3%.

За последние 10 лет и среди мужчин, и среди женщин наблюдается тенденция снижения абсолютного показателя смертности. Темпы снижения числа умерших в сельском населении намного выше, чем в городском. Но и резерв снижения абсолютного показателя смертности на селе больше, чем в городе. Положительная динамика общего коэффициента смертности за этот период дважды прерывалась: в 2010 и 2014 гг. (рис. 32). В 2015 г. общий коэффициент смертности населения вернулся к уровню 2013 года, а в 2016 г. продолжил снижение (достигнув 12,9 умерших на 1000 населения).

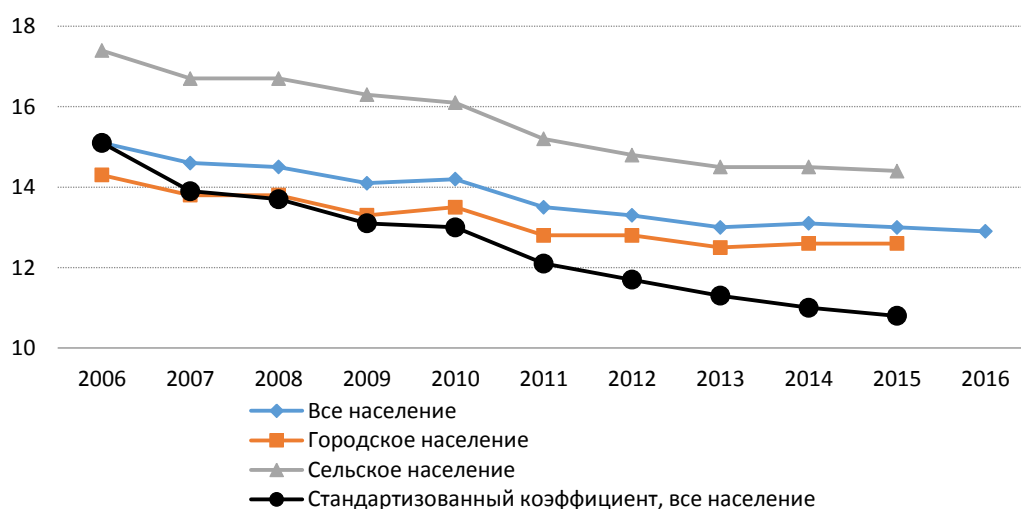

Рисунок 32 – Общий и стандартизованный коэффициенты смертности населения Российской Федерации, 2006-2016²¹ гг., ‰

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики и ЕМИСС

Общий коэффициент смертности зависит не только от интенсивности смертности, но и от возрастного состава населения. Чтобы оценить динамику смертности в России и убрать влияние изменения возрастной структуры населения, в том числе старения, был сделан расчет стандартизованного показателя смертности по возрастной структуре населения России 2006 г.²² Динамика стандартизованного коэффициента так же показывает тенденцию снижения смертности. Небольшое повышение общего коэффициента смертности в 2010 г. и 2013 г. в показателях стандартизованного коэффициента не наблюдается, а значит, они были связаны с изменениями возрастной структуры населения.

Общий коэффициент смертности варьирует по регионам: это связано как с различиями в интенсивности смертности населения, так и с особенностями половозрастного состава населения региона. В регионах с высокой долей населения

²¹ Оперативная статистика Федеральной службы государственной статистики за 2016 г. предоставляет данные по смертности всего населения, без разделения на городское и сельское население

²² Использовался прямой метод стандартизации по российскому стандарту населения 2006 г.

старшего возраста значение общего коэффициента смертности (ОКС) в 2016 г. намного выше (Псковская, Тверская, Новгородская, Тульская области, где ОКС>17%), чем в регионах с более молодым населением (Республика Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, где ОКС<6%).

По сравнению с 2013 г., в 2016 г. общий коэффициент смертности населения снизился в большинстве регионов Российской Федерации (рис. 33), в 9 остался на том же уровне, в 16 регионах увеличился (на 1% в Орловской, Рязанской, Белгородской, Ростовской, Волгоградской областях, Приморском и Краснодарском крае, Республике Карелия, на 2% в Свердловской и Архангельской области (без округов) и Ямало-Ненецком АО, на 3% в Ульяновской области, Республике Коми и Еврейской АО, на 4% в Москве и на 5% в Мурманской области). Наиболее значительное снижение наблюдается в Ненецком автономном округе (на 17%), Республике Алтай (на 12%), Республике Тыва (на 10%).

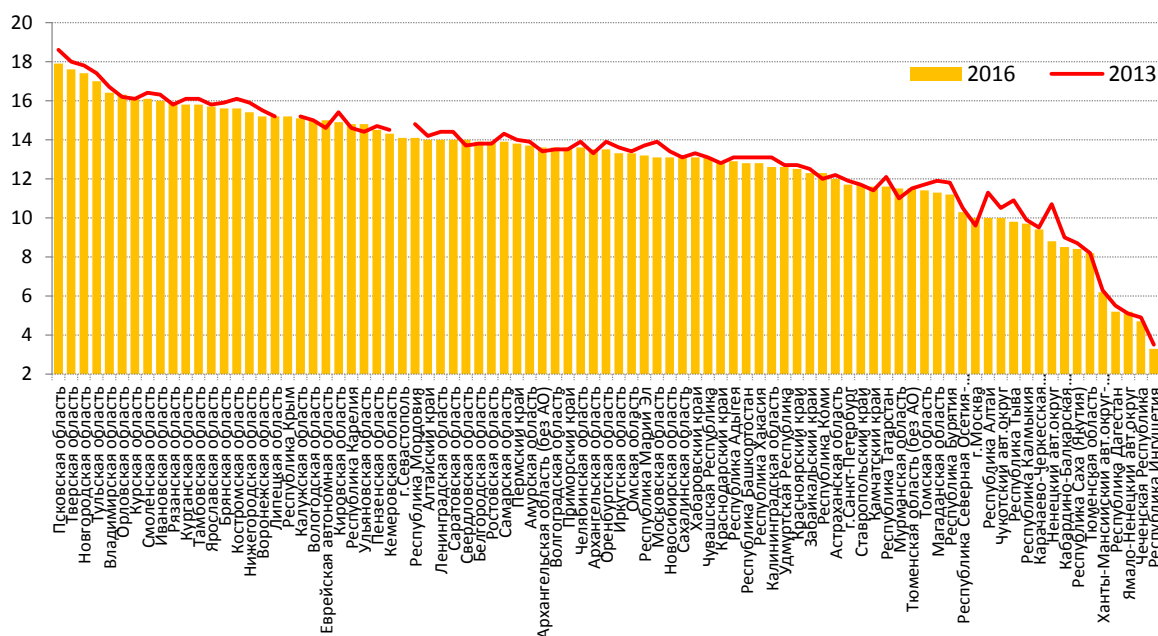

Рисунок 33 – Общий коэффициент смертности населения по регионам в 2013 г. и 2016 г., %

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики и ЕМИСС

В структуре причин смерти населения России лидируют болезни системы кровообращения (48% всех умерших в 2016 г.). На второе место вышла смертность от так называемых «прочих причин» смерти – 18%, этот показатель опередил даже смертность от онкологических заболеваний (16%). По сравнению с 2006 г. доля прочих причин смерти выросла на 11 п.п. Этот рост не отражает нозологическую ситуацию в смертности населения, а связан с проблемами качества учета причин смерти. Третье место занимает смертность от новообразований – 16%, доля данной причины в структуре причин смерти выросла по сравнению с 2006 г., что связано со старением населения и увеличением смертности в пожилом возрасте от новообразований. Доля внешних причин в структуре причин смерти населения России в 2016 г. снизилась по сравнению с 2006 г. на 6 п.п.

Снижение смертности в 2016 г. затрагивает практически все причины смерти: коэффициент смертности от болезней органов дыхания снизился на 8%, от внешних причин – на 7%, от болезней органов пищеварения – на 5%, от новообразований – почти

на 1%. Исключение составляет показатель смертности от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (на 1% выше аналогичного коэффициента смертности 2015 г.), в том числе от других инфекционных и паразитарных болезней (вырос на 12%). Кроме того, значительно увеличилась смертность населения от гриппа и ОРЗ (на 133% выше или на 602 человека больше), от случайных утоплений (на 2% выше на 229 человек больше) и от прочих болезней (на 7% или на 22 289 человек выше 2015 г.).

Показатель смертности детей до 1 года за 2016 год составил 6 умерших на 1000 родившихся живыми. Это на 8% ниже, чем в 2015 г. В январе 2017 г. он продолжил снижаться, достигнув 5,1 промилле. Младенческая смертность теснейшим образом связана с развитием услуг родовспоможения, и шире – здравоохранения и качества жизни в стране в целом. Последние 10 лет в России наблюдается устойчивая позитивная динамика индикатора младенческой смертности (рис. 34).

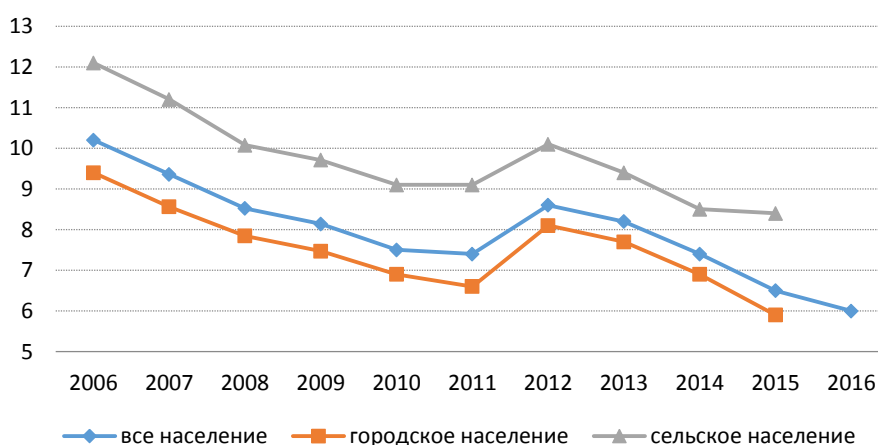

Рисунок 34 – Коэффициент младенческой смертности населения Российской Федерации, 2006-2016²³ гг., ‰

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики и ЕМИСС <https://www.fedstat.ru/>

Сокращение младенческой смертности внесло существенный вклад в рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Темпы снижения младенческой смертности в России остаются высокими даже несмотря на то, что она достигла тех значений, при которых все более значим вес эндогенных причин. Это врожденные аномалии, отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде и другие причины, бороться с которыми труднее, чем с предотвратимыми заболеваниями и травмами. Меньше за последние годы стал разрыв между уровнями младенческой смертности в городской и сельской местности, только в 2015 г. данный разрыв увеличился за счет более высоких темпов снижения младенческой смертности в городской местности.

Разброс между максимальным и минимальным показателем по регионам России велик: от 16,4‰ в Чукотском автономном округе и 16,2‰ в Еврейской автономной области до 1,3‰ в Ненецком автономном округе, 3,2‰ в Чувашии и 3,6‰ в Сахалинской области. За последние годы этот разброс повысился, что связано с более быстрым снижением минимальных показателей по сравнению с максимальными. В большинстве регионов России в 2016 г. младенческая смертность снизилась по сравнению с 2015 г. К регионам с негативной динамикой относятся Курская область (рост на 27,7%), Республика Коми (на 27,3%), Пензенская (на 30,2%) и Еврейская автономная область (на 26,6%).

²³ Оперативная статистика Федеральной службы государственной статистики за 2016 г. предоставляет данные по смертности всего населения, без разделения на городское и сельское население

Наиболее позитивная динамика смертности детей до 1 года была отмечена в Сахалинской области (снижение на 42%), Республике Адыгея (на 39%), Мурманской области (на 33%).

В 2016 г. наблюдалось небольшое снижение вклада трудоспособных в общее число умерших: с 24% на конец 2015 г. до 23%. Это продолжение плавного позитивного тренда: 10 лет назад (в 2006 г.) 30% умерших были в возрасте 16-54/59 лет. Общий коэффициент смертности трудоспособных в 2016 г. снизился по сравнению с 2015 г. на 3,5% и составило 5,2‰. Снижение смертности населения в трудоспособном возрасте затрагивает практически все причины смерти, кроме инфекционных и паразитарных болезней (от них он вырос на 5%).

Лидеры по смертности населения в трудоспособном возрасте несколько иные, чем по общему коэффициенту: это Чукотский автономный округ (8,2‰ в 2016 г.), Республика Тыва (8,1‰), Еврейская автономная область (7,7‰), Новгородская, Иркутская, Кемеровская области (7,2-7,1‰). Регионы Северо-Кавказского федерального округа, города Москва и Санкт-Петербург характеризуются наименьшим общим коэффициентом смертности трудоспособных (менее 3,9‰). Снижение смертности населения в трудоспособном возрасте, по сравнению с 2015 г., наблюдалось в большинстве регионов России, в то же время в 6 регионах она повысилась от 0,1 до 3% (Камчатский край, Вологодская область, Республика Крым, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ставропольский край, г. Москва, Республика Ингушетия).

Таким образом, продолжается умеренно позитивный тренд в динамике смертности населения России, в том числе трудоспособного населения. Свой вклад в высокую смертность вносит старение населения: например, при сохранении в 2016 г. по возрастной структуре населения 2006 г. общие коэффициенты смертности были бы сейчас ниже на 2,2 промилле. Однако для большей уверенности необходимы детальные данные о половозрастной структуре населения и структуре умерших, которых пока нет.

Миграция

Долговременная миграция

Международная миграция. Миграционный прирост населения России за счет международной миграции в последние годы, сопровождающиеся кризисами, как в стране, так и за рубежом, держится на уровне 250-300 тыс. в год (рис. 35).

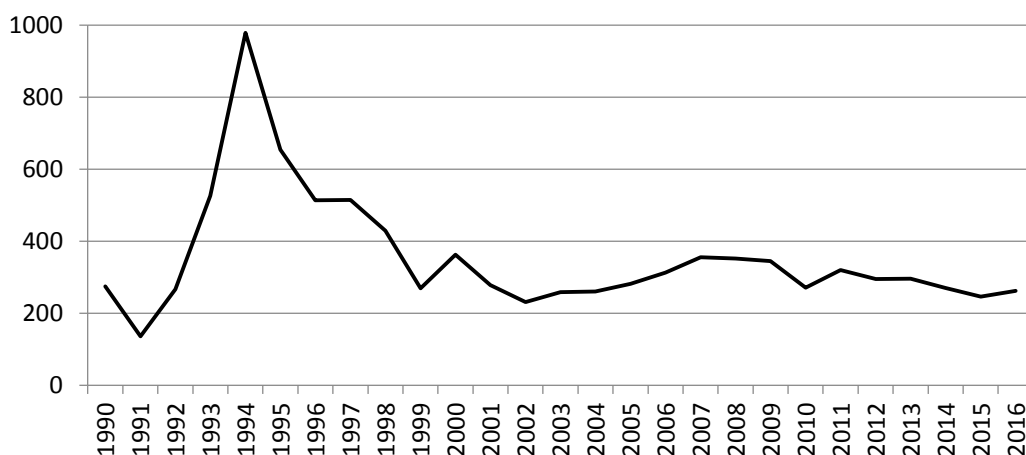

Рисунок 35 – Миграционный прирост населения России, тыс. человек

Источник: Демографический ежегодник России – 2015 г. / Росстат, 2015; Численность и миграция населения России в 2015 г. Статистический бюллетень / Росстат, 2016; Социально-экономическое положение России. / Росстат. Доклад за январь 2016 г.

И это несмотря на то, что в 2011 г. серьезные изменения произошли в системе статистического учета миграции – как долговременных мигрантов стали учитывать зарегистрированных на срок 9 месяцев и более. Это сразу же в первом полугодии 2011 г. привело к росту прибытий (рис. 36), а с временным лагом в 1 год – к росту выбытий из страны. В результате к 2014 г. числа прибывших увеличились вдвое, числа выбывших – почти на порядок, масштабы регистрируемой долговременной международной миграции возросли, а нетто-миграция почти не изменилась.

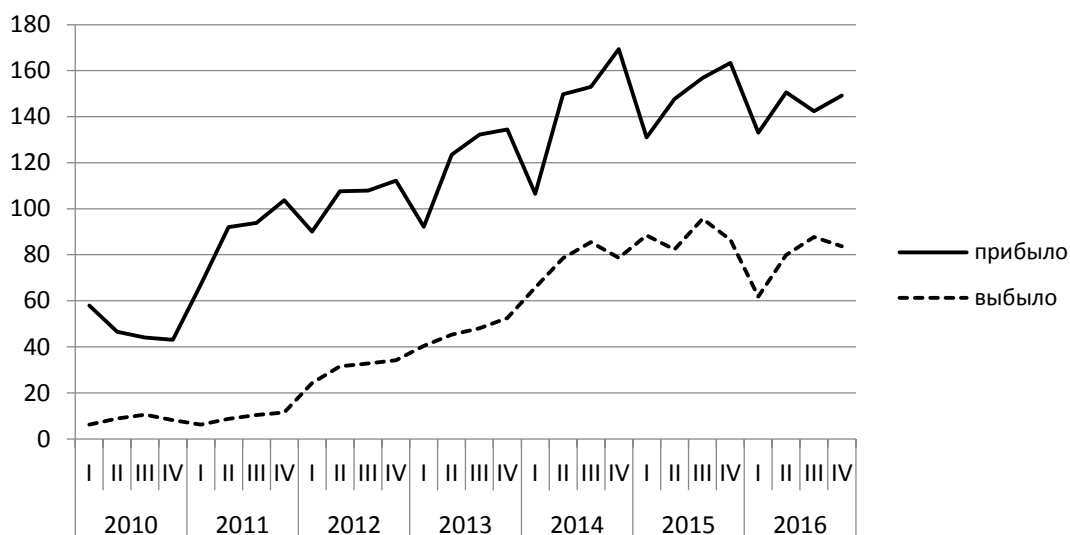

Рисунок 36 – Прибытия и выбытия по кварталам, международная миграция, 2010-2016 гг., тыс. человек

Источник: Социально-экономическое положение России. / Росстат. Серия докладов за 2010-2016 гг.

Помимо увеличения чисел прибывших и выбывших, новая методика учета привела к тому, что резкий рост числа зарегистрированных по месту пребывания на определенный срок по его истечению приводит к синхронному росту числа выбытий. Если он не компенсируется стабильно высоким числом прибытий, через 2-3 года может образоваться временный спад миграционного прироста, в т.ч. с отдельными странами. Так, в 2015 г. снижение миграционного прироста было следствием предыдущего роста прибытий из стран, с частью которых у России временно сложилась убыль населения (с Узбекистаном – -20,7 тыс. человек, такого в постсоветский период еще не бывало). Впоследствии, в 2016 г., миграционный прирост восстановился.

Россия традиционно имеет положительный баланс миграции со всеми странами СНГ. До 2014 г. основными миграционными донорами России являлись страны Средней Азии, в 2012-2013 гг. вместе с Казахстаном они обеспечивали более половины миграционного прироста России. События на Украине в 2014-2015 гг., приведшие к притоку в Россию сотен тысяч лиц, ищущих убежище, превратили эту страну в основного «миграционного донора» России. В 2014 г. миграция с Украиной обеспечила 34%, в 2015 г. – 60% миграционного прироста, и только в 2016 г. роль Украины в миграционном балансе несколько снизилась. Одновременно в 2014-2015 гг. довольно резко сократился миграционный прирост со многими другими странами СНГ. Если бы не возросший

приток мигрантов из Украины, миграционный прирост мог упасть до 120-150 тыс. Несмотря на стабилизацию обстановки на востоке Украины, исключать новый всплеск миграции в Россию нельзя, кроме того, часть временно пребывающих в России граждан этой страны может в ближайшие годы пополнить число долговременных мигрантов.

Только в 2016 г. структура миграционного прироста (по странам) стала приобретать прежние черты, в частности, восстановился привычный баланс с Узбекистаном и Таджикистаном.

Миграционный прирост со странами дальнего зарубежья, увеличившийся в 2011-2013 гг., с 2014 г. пошел на спад. Сказался и кризис в отношениях с западными странами, и экономический кризис в России, и уже рассмотренный выше рост числа выбытий после пика прибытий в предыдущие годы. Не стоит забывать, что статистика эмиграции в России не дает представления о ее реальных масштабах, это видно, в частности, из сопоставлений данных российской статистики и основных стран эмиграции: разница в числе учтенных в них долговременных мигрантов из России превышает российские данные в разы²⁴.

Внутренняя миграция в России в постсоветское время испытала спад (более чем вдвое от значений рубежа 1980-1990 гг.) и восстановление регистрируемых объемов после 2011 г. было вызвано прежде всего изменениями методики статистического учета. Двукратное увеличение объемов долговременной миграции в 2011-2012 гг. произошло, как и в международной миграции, за счет включения в учет зарегистрированных по месту пребывания. При этом численность зарегистрированных по месту жительства не изменилось и по-прежнему находится на уровне 2 млн. в год. В последние годы число долговременных внутренних мигрантов держится на уровне, превышающем 4 млн. человек в год, или на уровне 27-28 на 1000.

Несмотря на возросшие масштабы перетока населения между частями страны, направления миграции в России мало меняются на протяжении всего постсоветского периода: продолжается «западный дрейф», который ведет к перетоку населения из регионов Азиатской части страны в Европейскую, масштабы его несколько сократились по сравнению с 1990-ми гг., но на смену тенденций пока ничего не указывает. В концепции миграционной политики РФ на период до 2025 г. поставлена задача «приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока» к 2021 г.²⁵ Пока таких результатов не просматривается.

Центры притяжения мигрантов практически не меняются, это Московская и Санкт-Петербургская агломерации, Краснодарский край, всего в России миграционный прирост за счет внутренней миграции в последние годы имеют около 15 субъектов РФ. Но остальные регионы страны из этого перечня несопоставимы с вышеназванными по размерам миграционного прироста (Белгородская, Калининградская области, Татарстан), а часть из них имеет неустойчивый баланс миграции (например, Свердловская область). В последние годы в качестве новых центров притяжения внутристрановых мигрантов выступают Новосибирская и Тюменская области, но и они привлекательны прежде всего для мигрантов из соседних регионов Урала и Сибири, притока из Европейской части в них практически нет. Восточнее них регионов, испытывавших устойчивый прирост во внутрироссийской миграции, нет, а восточнее Красноярска почти нет городов,

²⁴ Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья / Демоскоп Weekly 2012 №513-514 <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf>; Потапова А. Эмиграция из России: текущее десятилетие // Демоскоп Weekly 2017 №719-720 <http://demoscope.ru/weekly/2017/0719/demoscope719.pdf>

²⁵ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2021 г. Утверждена Президентом России 13 июня 2012 г.

притягивающих мигрантов в межрегиональном обмене. Притягивает внутрироссийских мигрантов Севастополь, но говорить об устойчивости этого потока пока рано.

Переток населения идет и в пределах крупнейших агломераций, но он лишь отчасти напоминает процессы субурбанизации, которые наблюдаются в странах Запада²⁶. При этом многие крупные российские города прирастают пригородами.

Теряют население в результате внутренней миграции почти все регионы Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного округов. По мере постепенного исчерпания потенциала миграции из самых восточных регионов, нарастает отток из регионов Приволжского ФО, теперь этот округ является основным «донором» внутрироссийской миграции. В целом на стабильном уровне держится отток населения из регионов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей.

Устойчивость направлений внутренней миграции в России показывает, что, несмотря на декларации о приоритете развития восточных регионов страны, на деле продолжается сверхконцентрация ресурсов, прежде всего, финансовых, в Москве, о чем, в частности, говорит и расширение ее территории (Новая Москва) с планами по вводу жилья, рассчитанного на миллионы новых жителей, и совсем недавно анонсированная программа реновации жилой застройки города (снос «пятиэтажек»). Но даже наличие значительных по объему инвестиций при подготовке к Саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г. никак не повлияло на привлекательность региона для мигрантов.

Внутренняя трудовая миграция, согласно данным Обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ), в последние годы оценивается в 1,6-1,7 млн. человек, или около 2,4% всего занятого населения России (без учета маятниковых мигрантов). Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, трудовых мигрантов притягивают Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, и ряд других территорий Севера. Самый большой выезд на работу идет из регионов Центрального и Приволжского округов, в некоторых он превышает 10% от всего занятого населения. Судя по данным ОНПЗ, кризис 2014-2015 гг. никак не сказался на масштабах и направлениях внутренней трудовой миграции, это может говорить как о специфике российского рынка труда, так и о несовершенстве статистического инструмента. ОНПЗ, скорее, недоучитывает временную трудовую миграцию, исследовательские оценки говорят о большей ее распространенности, особенно в сельской местности и малых городских поселениях²⁷.

Основные показатели долговременной миграции – как международной, так и внутривосточной, в силу своей природы, не могут реагировать на социальные и экономические кризисы (исключение – распад СССР). Больше влияние на них оказывают регулярно предпринимаемые изменения методики статистического учета, политика в отношении гражданства, регистрации и т.п.

Временная миграция

Общее число иностранцев, пребывавших в России в 2016 г. с различными целями, колебалось в пределах от 10,4 млн. (максимум в конце сентября) до 9,6 млн. человек (минимальные значения в конце декабря). В этом году вновь проявилась сезонность пребывания иностранцев в РФ (почти утраченная в 2015 г.) – с ростом показателя летом и в начале осени и падением к зиме. Весь 2016 г. демонстрирует заметное снижение числа

²⁶ Мкртчян Н.В. Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 107-116.

²⁷ Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

пребывающих иностранцев по сравнению с уровнем 2013-2014 гг., и даже с 2015 г. В отдельные месяцы разница превысила миллион человек (рис. 37).

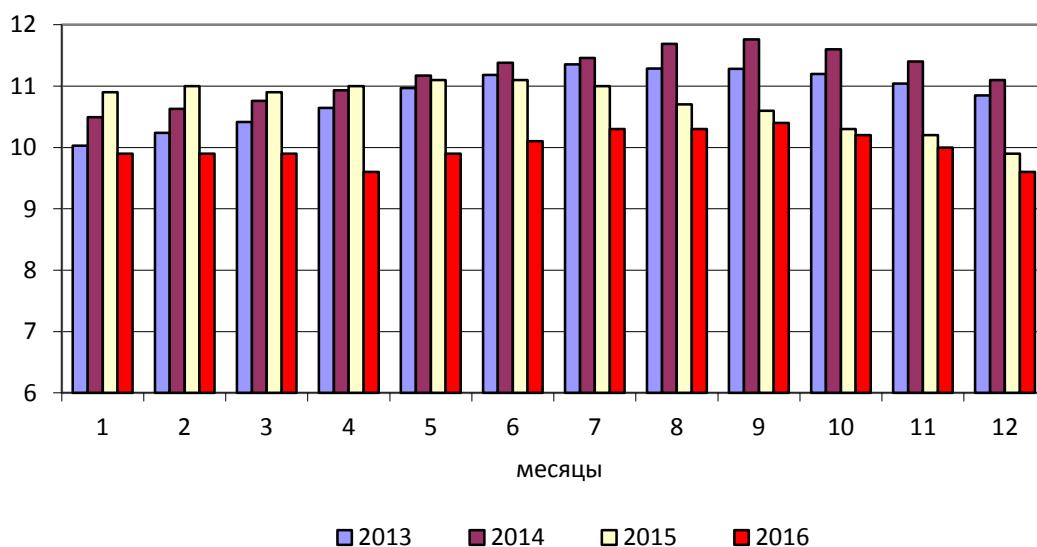

Рисунок 37 – Численность иностранных граждан, пребывающих в РФ на конец каждого месяца, 2013-2016 гг., млн. человек

Источник: данные ГУВМ МВД РФ, ЦБДУИГ

Среди всех пребывающих иностранцев абсолютное лидерство по-прежнему принадлежит выходцам из стран СНГ – их доля не опускается ниже 85%, на конец года их численность составила 8,2 млн. человек (табл. 3). По сравнению с данными прошлых лет их стало чуть меньше – на 5% по сравнению с 2015 г. и на 8% – в сравнении с 2014 г.

Таблица 3 – Пребывание иностранных граждан из СНГ в РФ на дату, человек

	20.01.15	31.12.15	01.05.16	01.10.2016	31.12.16
Азербайджан	579493	528790	483830	531471	531085
Армения	480017	474527	490850	523124	459878
Беларусь	517828	648895	704297	741453	713446
Казахстан	597559	642808	553491	613067	573572
Киргизия	544956	552207	561756	582863	592063
Молдова	561033	498698	489694	490844	489669
Таджикистан	999169	870226	947251	999035	872509
Узбекистан	2215780	1819140	1726198	1779002	1511344
Украина	2417575	2537246	2325673	2581380	2443047
СНГ, всего	8913410	8572537	8283040	8842239	8186613

Источник: данные ГУВМ МВД РФ, ЦБДУИГ

Если отвлечься от внутригодовых колебаний показателя численности иностранцев в России, то в последние три года мы наблюдаем довольно устойчивый тренд: снижается среднегодовая численность всех пребывающих граждан из Узбекистана – на 30% в сравнении с 2014 г., и Таджикистана – на 10% (а это основные две страны – доноры

трудоустройке в РФ)²⁸, в то же время число иностранцев из стран ЕАЭС, в том числе, Киргизии, наоборот, растет. Сократился приток из Азербайджана и Молдавии, а численность граждан Украины слабо колебалась на довольно высоком уровне (вокруг отметки в 2,4-2,5 млн. человек).

2016 год также не продемонстрировал перелома в пребывании на территории России иностранцев из развитых стран Запада: их численность продолжает отставать от показателей докризисного 2013 г. более чем в два раза, а по отдельным странам – таким, как США, Испания, Великобритания – в 4-6 раз (табл. 4). Единственное отличие 2016 г. от предыдущего 2015 г. – это замедление темпов падения, и даже небольшой кратковременный рост показателя в середине года (что никак не изменило общую тенденцию потери интереса различных категорий иностранцев из большинства стран дальнего зарубежья к нашей стране в последние три года).

Таблица 4 – Пребывание иностранных граждан из некоторых стран дальнего зарубежья в РФ на дату, человек

	13.11.13	31.12.15	01.05.16	01.10.16	31.12.16
Германия	352335	116274	91410	116948	109145
Испания	77200	14773	12043	16011	14356
Италия	77193	28223	24516	28114	26509
Великобритания	174061	28335	28646	29739	26854
Финляндия	108312	74642	80006	94557	97508
Франция	65559	34776	26449	29697	27953
ЕС в целом	1177829	486621	441855	513367	494839
США	220086	46531	42628	53978	46793
Китай	224859	224476	236581	295763	235785
Турция	124858	79009	68103	59464	52797

Источник: ГУВМ МВД РФ, ЦБДУИГ

Одновременно немного выросла численность граждан Китая, вышедших на первое место среди представителей стран дальнего зарубежья, в том числе и по пребывающим с целью «работа по найму». Но основной рост обеспечили туристические поездки, и в гораздо меньшей степени – учебные и частные. Численность граждан Турции, несмотря на смену «риторики» по отношению к этой стране, пока продолжает падать. По приезжающим с целью «работа по найму» Турция опустилась со второго места, после Китая, на 4-е, пропустив вперед работников из Северной Кореи и Вьетнама.

Число трудовых мигрантов – иностранных граждан, въехавших в страну с целью «работа по найму» (указывается в миграционной карте при въезде в Россию), в течение года колебалось в небольших пределах – от 3,6 млн. до 4 млн. (рис. 38), 95-96% из них приходилось на граждан СНГ (из дальнего зарубежья, в среднем, пребывало около 150-170 тыс. трудовых мигрантов).

Рейтинг основных стран-доноров трудовой миграции в РФ (исходя из показателя численности мигрантов, пребывающих в России с целью «работа по найму») выглядит следующим образом: из стран Средней Азии прибыло 66% трудовых мигрантов, из Украины – всего лишь 9%, из Армении – 7%, из Молдавии – 6%. Если сравнить с данными за 2015 г., то численность трудовых мигрантов в среднем за год снизилась на 4-

²⁸ Лидерское место закрепилось за Узбекистаном и Таджикистаном еще с 2007 г. (Florinskaya Y. Labor migration in Russia / Migration in Russia. 2000–2013. Ed. by Igor Ivanov. RIAC. Moscow: Spetskniga, 2013, p.164-177)

5%. Так, например, на 1 июля 2016 г. в РФ пребывало 3,98 млн. иностранцев с целью «работа по найму», а на 1 июля 2015 г. – 4,12 млн.

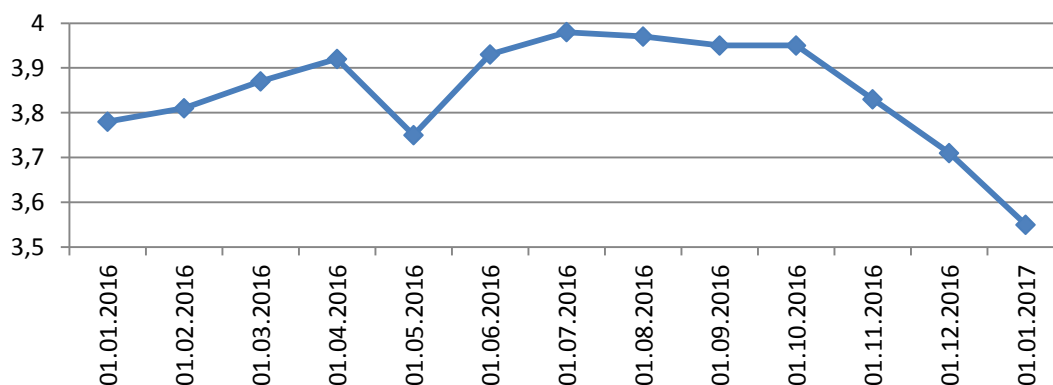

Рисунок 38 – Численность иностранных граждан, пребывающих в РФ с целью «работа по найму», на дату, млн. человек

Источник: ГУВМ МВД РФ, ЦБДУИГ

Сравнение общего числа трудовых мигрантов с суммарной численностью владеющих разрешительными документами для работы (разрешениями на работу и патентами) (1,73 млн. на 1 июля 2016 г.) и численностью граждан стран-членов ЕАЭС, имеющих право трудиться на территории нашей страны без получения таких документов (855 тыс. на эту дату), показывает, что около 1,4 млн. иностранцев из заявивших о намерении работать в России точно не смогли бы сделать этого официально. А ведь к ним еще надо прибавить не менее 1 млн. тех, кто пребывает в России с другими целями, указанными в миграционной карте при въезде, но при этом работает. Таким образом, каждый второй трудовой мигрант уже точно работает «в тени». Учет же числа уведомлений, посланных работодателями в миграционные органы о заключении договоров с иностранными гражданами, показывает еще более «мрачную» картину – две трети иностранных трудовых мигрантов, работающих в РФ, не оформлены на работе официально (но этот показатель – уже зона ответственности не самих мигрантов, а их работодателей).

В 2016 г., несмотря на уже второй год действия нового миграционного законодательства, так и не удалось выйти на масштабы легализации, наблюдавшиеся в 2014 г. Более того, даже по сравнению с 2015 г. число оформленных документов оказалось меньше (табл. 5). За 2016 г. всего трудовыми мигрантами было оформлено 1,67 млн. разрешений на работу и патентов, что составляет 82% от уровня 2015 г. и 43% от уровня 2014 г.

Таблица 5 – Оформление разрешительных документов для работы мигрантов в РФ, январь-декабрь, человек

	12 мес. 2014 г.	12 мес. 2015 г.	12 мес. 2016 г.
Разрешения на работу для иностранных граждан*	1334899	177175	133215
Разрешения на работу для квалифицированных специалистов*	158644	22099	14775
Разрешения на работу для высококвалифицированных специалистов	34225	41829	25469

Патенты**	2379374	1779796	1492203
-----------	---------	---------	---------

* – с 1 января 2015 г. выдаются только ИГ из визовых стран; ** – с 1 января 2015 г. выдаются ИГ из безвизовых стран для работы как у физических, так и у юридических лиц

Источник: ГУВМ МВД РФ, форма 1-РД

Анализируя причины нежелания мигрантов «выходить из тени», можно говорить о целом комплексе факторов. Опираясь на материалы исследования ИНСАП 2016 г., проведенного в крупных российских городах – основных центрах приема трудовых мигрантов, можно констатировать, что предложения «хороших» рабочих мест для мигрантов не прибавилось, роста мигрантских заработков в 2016 г. не произошло, как не произошло и смены отношения российских работодателей к официальному оформлению мигрантов (что, в свою очередь, повысило бы заинтересованность мигрантов в оформлении и ежемесячной оплате патентов). Таким образом, дороговизна легализационной процедуры в сочетании с тяжелыми экономическими условиями по-прежнему не способствуют появлению на российском рынке полностью легализованных и официально работающих мигрантов. В то же время очевидно, что все акторы миграционного рынка продолжают быть заинтересованы друг в друге: российские работодатели не готовы отказываться от труда иностранных мигрантов, а у большинства мигрантов пока не появилось альтернативных направлений трудовой миграции кроме России.

Несмотря на снижение числа оформленных патентов в 2016 г., администрирование этого авансового платежа, видимо, существенно улучшилось: сумма поступившего налога в 2015 г. составила 33 млрд. руб., а в 2016 г. – почти 45 млрд. руб. По-прежнему не меняется вклад в эти платежи мигрантов из разных стран – 82% обеспечивается работниками из Узбекистана и Таджикистана и лишь 10% – мигрантами из Украины (которые, напомним, являются самой массовой группой по численности на территории РФ).

5. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Прошедший год не внес ярких изменений в представления россиян о масштабах и глубине кризиса, которые для значительной части населения остаются непонятными. Перспективы выхода из кризиса постепенно отодвигаются, но продолжение негативных явлений в экономике за пределами двух лет большинством населения не рассматриваются. Реализовавшийся сырьевой тип экономики существенным образом повлиял на формирование массовых моделей социально-экономического поведения, преимущественно ориентированных на государство. Реализация соответствующих моделей в ситуации кризиса контрпродуктивна. Смена этих моделей поведения затруднительна в силу того, что институциональный контекст для реализации социально-экономических стратегий, основанных на самореализации, использовании собственных социальных ресурсов развития, индивидуальной конкурентоспособности, не создан.

Результаты регулярного мониторинга социального положения, осуществляемого с начала 2015 г.²⁹, имеют свою внутреннюю логику, состоящую в том, что полученные

²⁹ Социологический мониторинг реализуется Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. В течение каждого года, по репрезентативной для взрослого населения России сопоставимой

данные позволяют сопоставить: а) представления населения о характере изменений в экономике, б) риски снижения уровня благосостояния, концентрирующиеся в различных социально-демографических и экономических группах населения; в) стратегии экономического поведения населения, формируемые под влиянием, с одной стороны, складывающейся экономической ситуации, а, с другой – оценки этой ситуации населением.

Представления населения об экономической ситуации в стране

Представление российского населения о положении экономики на протяжении 2016 г. не претерпевало особых изменений. Как и в конце 2015 г., более половины (53%) населения полагало, что изменения носят негативный характер. В пользу мнения о стабилизации ситуации высказывались 40,7%, что на 4,6% больше, чем годом ранее. Улучшение экономического климата в конце 2016 г. отмечали всего 3,4% опрошенных (см. рис. 39).

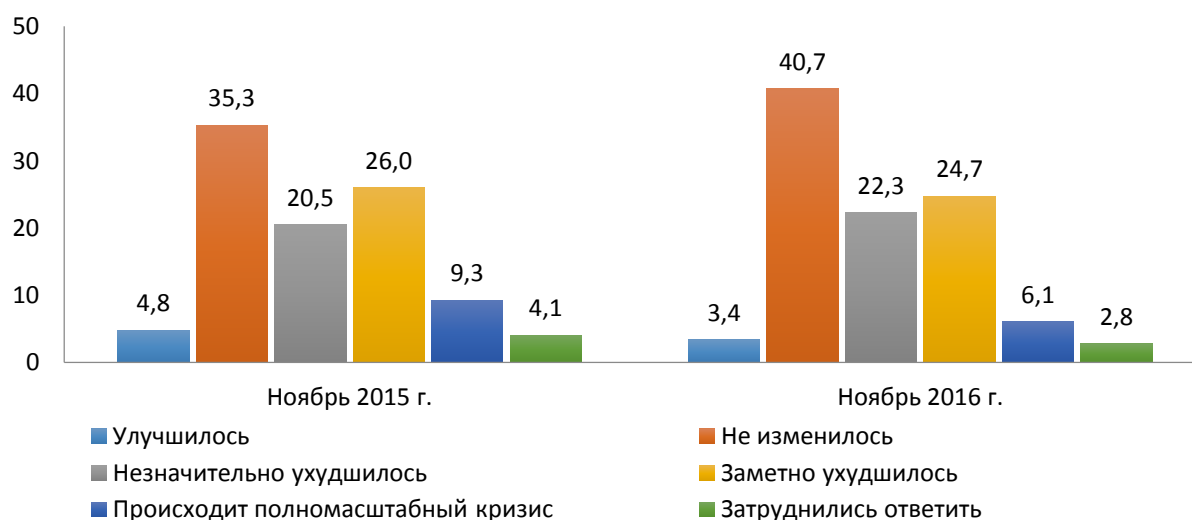

Рисунок 39 – Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось за последнее время экономическое положение страны?», %

Жители российских мегаполисов, в наибольшей степени ощутившие на себе удар кризиса в конце 2014 и первой половине 2015 г., быстрее, чем представители других типов поселений, почувствовали улучшения. Если о стабилизации ситуации в конце 2015 г. сообщали 27,8% жителей крупнейших городов, то в конце 2016 г. это мнение разделяли уже 39,7%.

Занятые в экономике дают чуть более позитивные оценки, чем пенсионеры, среди которых 28% считают, что за последнее время ситуация заметно ухудшилась (против 22% работающих). В то же время, среди занятых наиболее драматически оценивают ситуацию рабочие – каждый четвертый считает, что ситуация заметно ухудшилась, в то время как среди специалистов различного уровня такое мнение разделяет только каждый пятый.

Определились две сферы деятельности, где занятые чувствуют себя значительно увереннее остальных – это силовые структуры, а также сфера государственного и муниципального управления. Среди них не только большая доля тех, кто замечает улучшения в экономике, но и тех, кто считает, что ситуация уже стабилизировалась. Количество управленцев, выражающих такое мнение, почти вдвое превышает соответствующую долю занятых в промышленности. Среди бюрократии не нашлось

выборке, методом личного анкетного интервью проводятся по 8 волн опроса. Объем выборки – 1600 респондентов в каждой волне.

никого, кто рассматривал бы ситуацию как полномасштабный кризис, что отличает эту группу от остальных как наиболее благополучную и однородную (табл. 6).

Таблица 6 – Оценка изменений в экономике за последний год, ноябрь 2016 г., % от занятых по строке

Отрасль	Характер изменений экономического положения					
	Улучшилось	Без изменений	Незначительно ухудшилось	Заметно ухудшилось	Полно-масштабный кризис	Затруднились ответить
Промышленность	4,7	33,3	26,6	26,6	5,2	3,6
Строительство	4,4	43,7	20,0	23,0	5,9	3,0
ЖКХ, транспорт, связь	0,7	46,9	24,8	22,1	1,4	4,1
Торговля, бытовое обслуживание населения, общепит	5,2	40,7	22,4	25,5	5,2	1,0
Образование, здравоохранение, культура, наука	7,9	38,1	25,4	19,8	5,6	3,2
Армия, МВД, ФСБ	6,5	58,0	12,9	16,1	6,5	0,0
Государственное и муниципальное управление	7,1	57,2	28,6	7,1	0,0	0,0

Дать оценку перспективам выхода экономики на путь развития не решились 16% респондентов, что отражает большую степень неопределенности в восприятии экономической реальности (см. рис. 40).

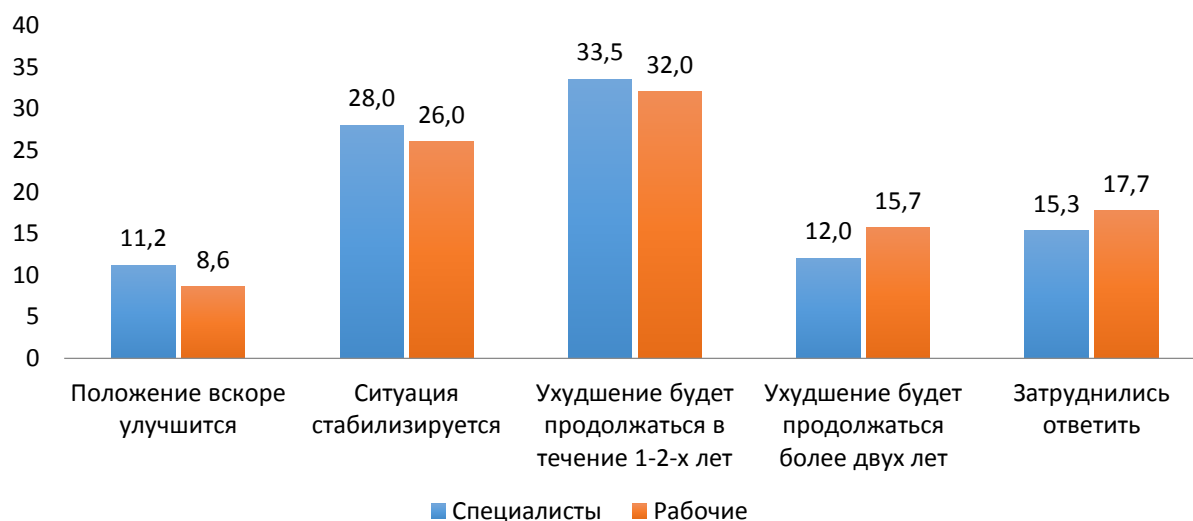

Рисунок 40 – Оценка длительности негативных эффектов в экономике респондентами с разным социально-профессиональным статусом, ноябрь 2016 г., %

Среди ответивших мнения разделились, в том числе и по профессиональному признаку: среди занятых в промышленности в полтора раза больше тех, кто считает, что кризис будет продолжаться еще в течение 2-х лет или дольше, по сравнению с работающими в госуправлении и силовых структурах. В то же время, оценки перспектив,

данные рабочими различных отраслей экономики, отмечены большим пессимизмом, чем оценки специалистов.

Риски населения в сфере занятости и потребительские риски

Если о незначительных или заметных ухудшениях экономической ситуации сообщает 53% опрошенных, то о том, что эти изменения затронули их лично – существенно большая доля – 78% населения по данным на конец 2016 г. Над значительной частью населения довлеет груз негативных ожиданий и рисков в сфере занятости (табл. 7).

Таблица 7 – Доля респондентов, подверженных рискам в сфере занятости, по субъективной оценке, % от работающих

Риски в сфере занятости	Февраль 2016 г.	Май 2016 г.	Сентябрь 2016 г.	Ноябрь 2016 г.	Февраль 2017 г.
Потеря работы	48,0	51,5	48,0	44,0	44,7
Снижение заработной платы	51,0	53,1	51,1	50,2	45,9
Переход на неполную рабочую неделю	32,2	34,6	36,1	32,9	27,4
Уход в неоплачиваемый отпуск	28,6	32,8	33,8	31,5	26,5
Задержки выплаты заработной платы	45,4	46,3	42,3	42,3	41,0
Переход к неформальным формам оплаты труда	27,6	30,9	31,2	28,8	26,0

В высокорисковой зоне (имеют, по собственным представлениям, более 4 рисков, связанных с характером занятости) оказался каждый четвертый работающий (см. рис. 41).

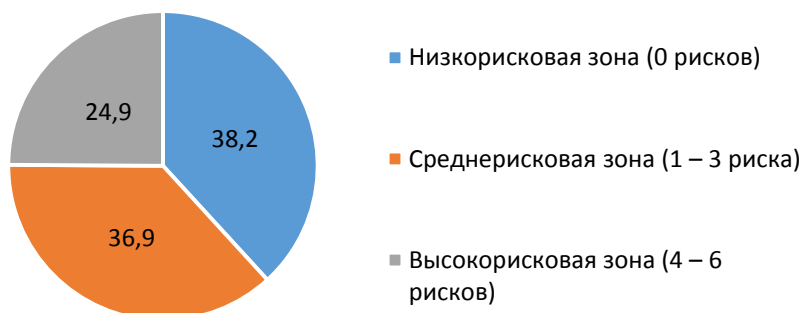

Рисунок 41 – Концентрация рисков занятости, % от работающих (февраль 2017 г.)

Наиболее стабильное положение на рынке труда у тех, кто имеет высшее образование, а наибольшие риски имеют работники без профессионального образования (табл. 8).

Таблица 8 – Концентрация рисков занятости, по образовательным группам, % от работающих, по строке (февраль 2017 г.)

Образовательные группы	Концентрация рисков занятости		
	Низкорисковая зона	Среднерисковая зона	Высокорисковая зона

Среднее общее	35,0	30,1	35,0
Среднее профессиональное	36,7	37,0	26,2
Высшее	41,2	39,2	19,6
В целом	38,2	36,9	24,9

Вместе с тем, имеющие высшее образование не застрахованы от снижения уровня оплаты труда. Если о его понижении (в горизонте года, предшествовавшего опросу) в конце 2015 г. сообщили 18% обладателей вузовских дипломов, то в конце 2016 г. – уже 25% (рис. 42).

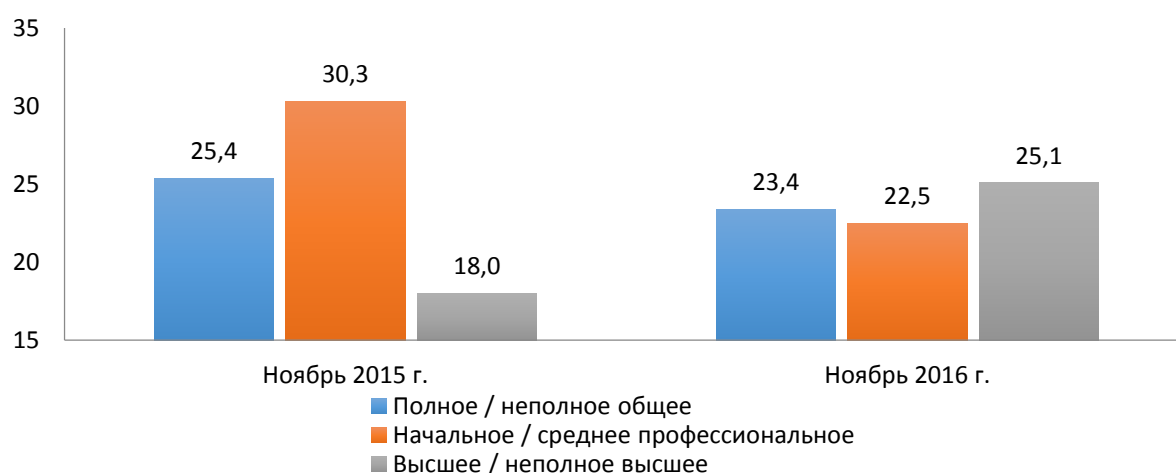

Рисунок 42 – Снижение заработной платы у представителей различных образовательных групп, % от работающих

Сокращение расходов на товары и услуги стало основной формой адаптации российского населения к кризисным явлениям в экономике. В наибольшей степени эта форма адаптации характерна для бедного населения, среди которого 92% вошли в жесткий режим экономии, однако сокращение потребления демонстрируют также средние и относительно обеспеченные слои (табл. 9).

Таблица 9 – Доля сокративших расходы (по сравнению с докризисным периодом) в зависимости от уровня материального положения, %

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Ноябрь 2015 г.	Ноябрь 2016 г.
Низкий	86,6	91,9
Средний	74,0	78,2
Выше среднего	57,9	61,4
В целом	75,3	78,8

Стратегии адаптационного поведения

Активные трудовые стратегии в несколько большей степени характерны для жителей мегаполисов, которые, однако, не избегают и работы на дачных участках (рис. 43).

В целом, прошедший год не внес ярких изменений в представления россиян о масштабах и глубине кризиса, которые для значительной части населения остаются непонятными. Перспективы выхода из кризиса постепенно отодвигаются, но продолжение негативных явлений в экономике за пределами двух лет большинством населения не

рассматриваются. Такие временные рамки заставляют большинство населения, независимо от того, как складывается их личное экономическое положение, рассматривать неблагоприятный период как временное явление, которое можно пережить, не прилагая существенных усилий адаптационного характера и ограничиваясь сокращением потребления товаров и услуг.

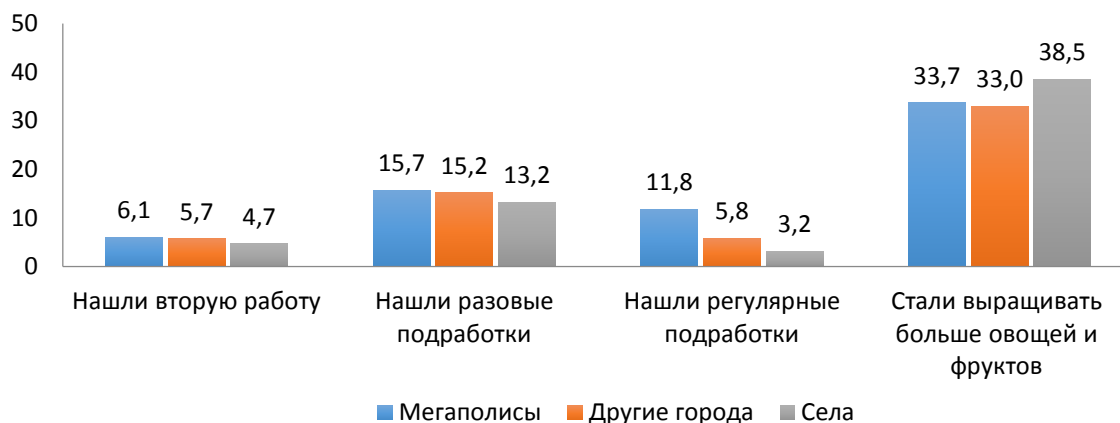

Рисунок 43 – Адаптационное поведение в сфере занятости проживающих в различных типах поселений, ноябрь 2016 г., %

Можно зафиксировать, что кардинальным образом изменилось само содержание понятия социально-экономической адаптации населения к переменам во внешней среде. В экономическом и институциональном контекстах 1990-х гг. кризис и массовое снижение уровня жизни, при фактическом отсутствии действенной помощи со стороны государства, вынуждали население осваивать новые формы деятельности, прибегать к вторичной занятости, мелкому предпринимательству. Адаптация стала в этот период макроэкономическим процессом, в которое было вовлечено все население, значительная часть которого, наряду с традиционными стратегиями (например, работой в ЛПХ), использовала активные и достаточно успешные трудовые адаптационные стратегии. Модели адаптационного поведения в этом смысле можно считать вполне рациональными, с точки зрения соотношения ресурсов населения с возможностями, предоставляемыми внешней средой.

В 2000-е гг. – относительно благополучные в экономическом отношении годы – население, воспользовавшись экономическим ростом, изменило характер потребления, сдвигая баланс накопления и потребления в сторону последнего, аккумулируя при этом различного рода материальные ресурсы. В то же время заметный бум образования (в том числе, дополнительного), отмечаемый в эти годы, свидетельствовал об интересе населения к наращиванию нематериальных ресурсов – повышению собственной конкурентоспособности. Множественная занятость практически полностью сменилась единичной занятостью, главным образом, в бюджетной сфере и государственных компаниях. Таким образом, адаптация к внешней среде по преимуществу состояла во все большем сближении с государством в плане экономической деятельности; получении как можно более высокой ренты от достижений сырьевой экономики в виде роста зарплат, не обеспеченного ростом производительности труда; создании материальных запасов, образующихся вследствие высокой потребительской активности.

Начавшийся кризис, вновь, как и 1990-е гг., негативным образом, хотя далеко не в тех масштабах, сказался на большинстве населения, чей уровень жизни существенно снизился. Можно было бы ожидать, что значительные по численности группы населения

начнут возвращаться к деятельностным практикам 1990-х гг., станут для этого использовать накопленные нематериальные ресурсы – образовательный и профессиональный капиталы. Но, как следует из анализа социологических данных, этого не произошло – к активным практикам обращается не более 15% опрошенных граждан. Образование и квалификация слабо востребованы немодернизированной экономикой и сужающимся рынком труда. В то же время материально-имущественные ресурсы, которые можно рассматривать как определенный запас прочности, естественным образом сокращаются и амортизируются, а их обновление для большинства населения становится невозможным вследствие вынужденного сокращения потребительских расходов. В этих обстоятельствах содержанием адаптации становится привыкание к новой реальности без попыток ее изменить.

В целом, анализ данных Мониторинга за 2016 г. свидетельствует о том, что реализовавшийся сырьевой тип экономики существенным образом повлиял на формирование массовых моделей социально-экономического поведения, преимущественно ориентированных на государство. Реализация соответствующих моделей носила рациональный характер при благоприятной экономической конъюнктуре, но оказалась контрпродуктивна в ситуации кризиса. Смена же доминирующих ранее моделей поведения затруднительна в силу того, что институциональный контекст для реализации таких моделей поведения, которые основаны на самореализации, использовании собственных социальных ресурсов развития, индивидуальной конкурентоспособности, не создан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ ключевых индикаторов, определяющих состояние социальной сферы и общую социальную динамику, показывает, что 2016 г. заметно отличается от предшествующего 2015 г., который принял на себя основной удар кризиса. На его фоне 2016 г. либо сгладил острую динамику большинства индикаторов социально-экономического развития, либо законсервировал их, либо развернул их вектор в позитивный тренд. Казалось бы, есть основания для того, чтобы диагностировать 2016 г. как год социальной стабилизации. Однако, если говорить о стабилизации, то она может быть «хорошей» и «плохой». О какой из них можно вести речь?

Безусловно, главным достижением 2016 г. стала рекордно низкая годовая инфляция. Помимо макроэкономических эффектов она имеет сильнейшее влияние на ключевые социальные показатели, характеризующие уровень благосостояния населения, – доходы, заработная плата, бедность. Но в 2016 г. только заработная плата показала слабую тенденцию к росту. При этом она не смогла преломить тенденцию падения реальных доходов населения и сократить уровень бедности.

Низкая инфляция не смогла также простимулировать рост внутреннего потребительского спроса, и третий год подряд объемы розничной торговли снижались. Лишь в начале 2017 г. появились некоторые признаки оживления на потребительском рынке.

Рынок труда в очередной (четвертый по счету!) раз воспользовался российской моделью адаптации, испытанной в ходе предыдущих кризисов, – низкая зарплата в обмен на высокую занятость, хроническая низкооплачиваемость работников вместо скачкообразной бедности безработных. Совершив этот обмен в 2015 г., рынок труда в 2016 г. практически уже не показывал заметных изменений. Это же подтверждается региональным анализом.

Миграционный анализ также показывает продолжение тенденций предшествующих лет - число трудовых мигрантов продолжило снижаться, но плавно и не катастрофично.

В 2016 г. расходы бюджетов регионов, на которые в основном ложится бремя социальных расходов (за исключением пенсий), росли быстрее по сравнению с 2015 г., но не за счет расходов, направленных на развитие человеческого капитала. В 2015 г. сильнее «оптимизировались» расходы на образование, в 2016 г. – на здравоохранение. Более стабильно росли только расходы на социальную политику (социальную защиту населения), социальная стабильность – самый важный приоритет для властей регионов.

Эти процессы происходят на фоне медленного ухудшения демографической ситуации – ускоряется снижение числа рождений. И если в 2016 г. число родившихся все еще незначительно превышало число умерших, то первый месяц 2017 г. показал негативную демографическую динамику - снижение числа родившихся шло на фоне повышения числа умерших.

Социологические измерения также отличают 2016 г. от его предшественника. В 2015 г. в течение долгого времени вплоть до осени в оценках населения наблюдался относительно высокий оптимизм и готовность к долготерпению, что выглядело диссонансом на фоне негативной динамики официальных экономических показателей. В конце 2015 г. оценки населения остроты кризиса и перспектив быстрого выхода на посткризисную траекторию упали, и 2016 г. уже не внес сколько-нибудь ощутимых перемен в настроения россиян. Резких изменений в оценках населения не последовало

даже несмотря на болезненное решение правительства о лишь частичной индексации пенсий, которая значительно отставала от инфляции по итогам 2015 г. (4% индексации против 12,9% инфляции).

Настроение в российском обществе можно описать формулой «привыканием к плохому», а социально-экономический результат 2016 г. – «негативной стабилизацией». Подобный диагноз не менее критичен, чем сам кризис, поскольку отсутствие внутренних или внешних источников роста исключает попытки их поиска, способствует распространению социальной апатии и неэффективных моделей финансового и потребительского поведения. Его проявлениями у населения могут стать отказ от сбережений в пользу текущего потребления, усиление эмиграционных настроений и одновременно рост ксенофобии и мигрантофобии, сокрытие доходов и имущества, распространение неформальной занятости, у государства - отказ от инвестиций в человеческий капитал. Приобретая широкие масштабы, апатия становится устойчивым свойством общества, приводящем к деформации социальных связей и отношений. В таких условиях население живет «одним днем», а стратегические установки отодвигаются «до лучших времен». Добавим, что остальной мир не стоит на месте, и имеющееся отставание России по ряду ключевых социальных, экономических, технологических и прочих позиций, будут нарастать.

Разумеется, между кризисом и выходом на посткризисную траекторию неизбежен период некоторой социальной и экономической стабильности. Однако этот выход возможен в тех случаях, когда начинают работать экономические драйверы и возникают точки роста. Малоприятная реальность состоит в том, что 2016 г. признаков такого рода не показывает. Скорее, речь идет о сползании в длительный и затяжной период экономической и социальной стагнации – сценария, который был предсказан большинством экспертов на самых ранних стадиях кризиса. Опасности и риски этого сценария для целей будущего развития хорошо осознаются и государством, и экспертным сообществом. Видимо, поэтому в 2016 г. начались интенсивные поиски решений, направленных на изменение макроэкономических и институциональных условий, которые заложили бы основу для устойчивого экономического роста и социального развития в средне- и долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2014-2015 годы: экономический кризис – социальное измерение. Под ред. Т.М. Малевой. Научный доклад. – Москва, Издательство Дело, 2016. – 112 с.
2. Авраамова Е., Логинов Д. Социальное самочувствие населения и риски снижения уровня жизни // Экономическое развитие России. 2016. № 11. С. 59-62.
3. Авраамова Е.М., Бурдяк А.Я., Ляшок В.Ю. Социальные тренды и экономическое положение российского населения (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС). // Экономическое развитие России. 2017. №3. С. 82-89.
4. Авраамова Е.М., Гришина Е.Е., Малева Т.М., Полякова А.Г. Социально-экономическое положение населения: анализ текущих трендов (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС). Экономическое развитие России. 2017. №2. – С. 46-57.
5. Базовая структура потребительских расходов населения для расчета индекса потребительских цен (ИПЦ) в группировке КИПЦ в 2012-2017 гг. / Росстат. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-kipc.htm
6. Глущенко К.П. Об оценке межрегионального неравенства. // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 39-58.
7. Горшкова Т., Турунцева М. Прогнозирование региональной инфляции с использованием моделей пространственной корреляции. // Экономическое развитие России. 2016. № 12. С. 76-80.
8. Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья. // Демоскоп Weekly. 2012. № 513-514. – [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf>
9. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 г. Цели устойчивого развития ООН и Россия. / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. – Аналитический центр при Правительстве РФ Москва, 2016.
10. Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В. Социально-демографические индикаторы: региональное измерение. // Экономическое развитие России. 2017. № 3 С. 90-100.
11. Иванова В.И. Региональная конвергенция доходов населения: пространственный анализ. // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 100-119.
12. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. / Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.
13. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2021 г. Утверждена Президентом России 13 июня 2012 г.
14. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
15. Мкртчян Н.В. Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности. // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 107-116.
16. Полякова А.Г. Стратегии финансового поведения населения. // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 8. С. 47-51.
17. Пономарев Ю. Эффект переноса: рост цен в третьем квартале 2016 г. замедлится. // Экономическое развитие России. 2016. № 8. С. 7-9.
18. Пономарева Е., Магомедов Р. Влияние продуктовых санкций на цены в России в 2014-2016 гг. // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально экономического развития. 2017. № 5(43).

19. Потапова А. Эмиграция из России: текущее десятилетие. // Демоскоп Weekly. 2017. № 719-720. – [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0719/demoscope719.pdf>
20. Радаев В., Котельникова З. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России. // Экономическая политика. 2016. №5. С. 92-117.
21. Экономисты подсчитали денежные потери россиян от продуктового эмбарго. // РБК. 2017. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/20/03/2017/58cfa48f9a7947ace90ea7b6>
22. Яковлев Е. Опасный акциз: как правительство отказалось от антиалкогольной политики. // РБК. Мнения. 27.01.2017. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/>
23. Florinskaya Y. Labor migration in Russia. / Migration in Russia. 2000–2013. Ed. by Igor Ivanov. RIAC. Moscow: Spetskniga, 2013, p.164-177.
24. Yakovlev E. Demand for Alcohol Consumption in Russia and Its Implication for Mortality // American Economic Journal: Applied Economics, 2017, forthcoming.